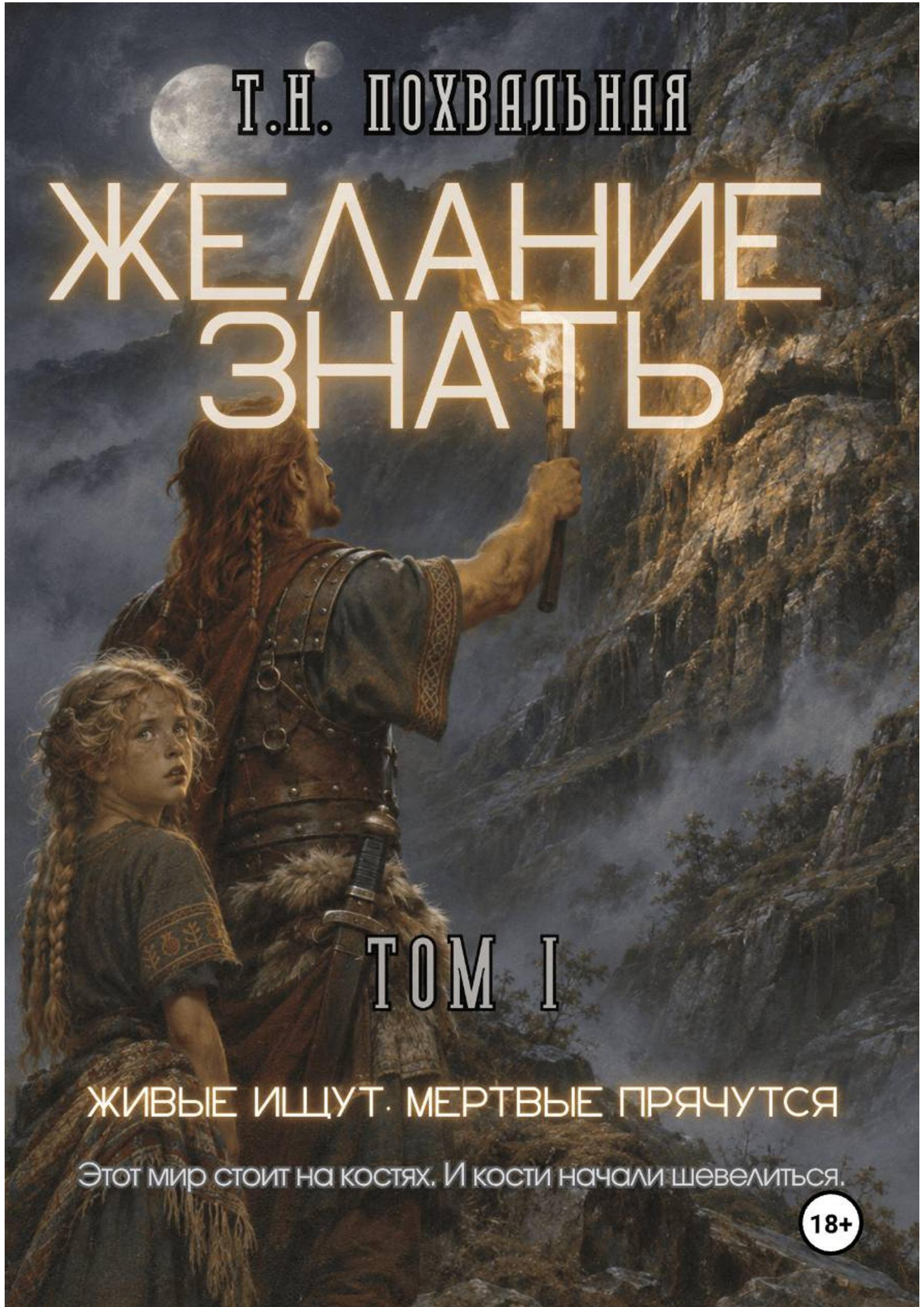

Т.Н. ПОХВАЛЬНАЯ
ЖЕЛАНИЕ ЗНАТЬ
ТОМ I
ЖИВЫЕ ИЩУТ. МЕРТВЫЕ ПРЯЧУТСЯ
Этот мир стоит на костях. И кости начали шевелиться.
18+

Живые ищут, мертвые прячутся

Таисия Похвальная

Желание знать. Том 1

«Автор»
2026

Похвальная Т.

Желание знать. Том 1 / Т. Похвальная — «Автор», 2026 — (Живые ищут, мертвые прячутся)

Народы Эпе могут истреблять друг друга, делить земли и копить обиды, но всякий добрый человек — от короля Кира до сиргларского закупа — живёт по святому Родительскому Наказу, не зная иных богов, кроме Отца Тевтоса и Матери Астарот.Завоевав Медитерру, король Эспен Пандомей с особым рвением избавил земли от ереси Железных Мастеров, чье учение отрицало Отца и Матерь, на чьей коже наколоты сигны — татуировки, дающие телу особые свойства.И сие богоугодное дело оставило людей лицом к лицу с истинным прошлым Эпе, а вернее, с его истинными хозяевами.Почему от ряженых в золото улыбчивых богов бросает в дрожь? От кого защищали мир людей Железные мастера?Ответы таятся в циклопических ликах, проступающих из камней и древ, на обмелевшем дне Великого Озера и в чужих голосах, звучащих в голове Толмача.Цикл «Живые ищут, мёртвые прячутся» — хроника Эпе. Пока живые воюют за власть и потакают страстям, сквозь строки Родительского Наказа за ними наблюдает древняя, чуждая человеку сила.

© Похвальная Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Диспут 14
Глава 2. Пришествие быка 20
Глава 3. Дом мёртвых 28
Глава 4. Две Сарры 34
Глава 5. Иштар идет на свет 43
Глава 6. Хорос спускае 48
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Таисия Похвальная
Желание знать. Том 1

Пролог

Я вижу отца своего
— он мрачная тень ушедшей эпохи,
Эпохи, которую помнят лишь старые
древа и скалы.
Я вижу сестёр своих и братьев
своих,
Зрю и вижу: места им нет на земле.
Слышу, как зовут они меня занять
своё место среди них,
Обращённые в камень, с
распростёртыми руками,
С бессмертными жестокими сердцами.
Меня они ждут.

***

1

Сквозь вечерний рокот ибисов Касдим Тобе услыхал далёкое эхо корабельного горна. Почти сразу, сливаясь с первым, победно запел второй.

В дверь каюты коротко стукнул боцман Сетх:

— Капитан, уж второй корабль трубит.

— Слыхал! Пусть наши отвечают.

Касдим взглянул в узкое окно. Над тёмными водами реки Махру распласталась пустыня в вечерних сумерках.

*Хоть убыль успел вычеркнуть до захода в Тирру.*По каждой сгинувшей ценности подробно писал он причину утраты. Привирал часто — куда чаще, чем хотелось. Касдим поглядел на рукава нового кафтана, что замарал чернилами. Заперев накладные в сундук у ног ларария святого Хатор — путеводника, он слюнявыми пальцами потушил фитиль лампы и поспешил на палубу.

Горн с третьего корабля подгонял его, закатное солнце слепило глаза.

Сигнальщик Джибал уже стоял на кормовой надстройке кобриты; сияя улыбкой, он вскинул изогнутый кольцом медный горн и ответил, раскатистым рёвом. Сигнал покатился дальше

по каравану. Матросы бросали посты и обнимались, а палатины колотили мечами по щитам, приветствуя родные берега.

Саму Тирру видели только с флагмана «Дочь Тевтоса», да и то — едва различимую полоску на горизонте. Нетерпеливый караван поднял шум — рёв медных глоток успел поднять на ноги всех. Даже из трюма зазвучали плач и стон олферонских рабов.

Опершись на перила, с насмешливой ухмылкой наблюдал за суетой Саламандер. Седой принцепс палатинов больше походил на капитана куда больше.

Касдим поднялся к нему на кормовую надстройку.

— Торгаш под любым плащом остаётся торгашом! — вальяжно поприветствовал его Саламандер, кивая на размазанные по рукавам чернильные полосы. — Государевы люди устанут читать твои писульки.

— Неделя минула с налёта сирглацев, а мы до сих пор находим убыль, — мрачно выдохнул Касдим. — Не объясню чинушам хоть одну пропажу — мне конец. Я таких ценностей и в руках не держал. Зато разбить — разбил.

— Ещё и оштрафуют, — подлил масла в огонь Саламандер. — Оставь заботы. К полудню уже выпьем в «Ловкой рыбачке», хоть покажешь жене, чего наворовал в Олфероне. Она простит тебе затянувшееся плавание.

— Не наворовал, а взял каперскую долю, — Касдим спрятал руки в рукава и зыркнул по сторонам. — Легат Ракий обещал: всё, что отняли у меня олферонцы при аресте, — всё вернут с доли. За вычетом штрафов за потери, конечно...

Сама мысль назваться капером заставляла его шкуру гореть. Каперский патент Касдим со страху выкинул в море перед самым пленением олферонцами. Однако имя опосля нашлось в списках каперов тана Дельты, что пошло ему на пользу и даже позволило вернуть старушку «Ровейну».

Саламандер деловито кашлянул в кулак.

— Но капер из тебя всё равно не вышел. Ты скорее опасливый торгаш. В честь нашей дружбы так и быть…

Касдим в тревоге смотрел, как Саламандер отвязывает от ножен обережницу и протягивает ему.

— Я наткнулся на него в порту Аттабы, — хвастливо прибавил Саламандер. — Собрат твой, купец — как увидал наших, так сразу и подкатил с лотком таких «трофеев».

Во время единственной остановки каравана в столице Дельты Касдим, не думая долго, бросился в термы — смывать с себя месячную коросту олферонских казематов, и на базар — присматривать кафтан.

Касдим потянул за шнурок, ожидая выудить из обеежницы святой хон, но наружу показался сушёный нос, покрытый татуировками.

— Благодарствую, слер Саламандер. К чему мне кусок еретика? — спросил он, борясь с омерзением.

— В знак расположения королю и принцу Хейну, — хмыкнул Саламандер. — Пока ты томился в олферонском застенке, Хейн гадючьи гнёзда поворошил основательно. У любого писаря перо из пальцев выпадет. С владельцем такой вещицы никто шутить не посмеет.

Касдим подержал на ладони трофей. Больше всей армии Сирглара он боялся встретить на своём пути хотя бы одного сектанта с наколками — колесоголового.

— Да не трусь. Это подделка, — Саламандер перехватил его взгляд. — Видал я колесоголовых — те сигны прячут и точно не носят на лице. Но писари наши того не знают.

— Чей это нос?

— Какая разница. Носи, пригодится, — Саламандер похлопал его по плечу и, так же весело скалясь, сошёл на палубу.

Там он подозвал старшину в красной чешуе, и скомандовал палатинам построение. Спешно запрятав мерзкий нос в кошель, Касдим поспешил вниз — напомнить своим людям, сколь бережно следует выгружать ценности.

Саламандер прав: капер из меня не вышел.

Всякое дело на Западном побережье Эпе шло в убыток. Стоило упитанной «Ровейне» высунуть нос из дельты Махру и кирянских вод, как мигом на неё набрасывались пираты, либо сиргларцы на юрких триремах тащили команду в прибрежные крепости для унизительных разборок.

С тех времён у Касдима ныли суставы, пальцы не разгибались до конца, а на бортах «Королевы Ровейны» остались глубокие засечки от абордажных крюков.

2

После полуночи из-за горизонта тёмной горой выползла тысячелетняя цитадель Тирры. Справа и слева потянулись бесконечные пригороды и трущобы. Караван мутил в тёмной воде отражения загородных вилл; дома на резных сваях нависали над рекой. В свете двух лун, виноградные лозы вились по стенам, украшенным цветными фресками с ликами святых, силуэтами быков и лошадей. От Махру змейками струились каналы, орошая узкую полосу зелени — «предел жизни», как называли её киряне.

Вдоль берегов буйной порослью теснились тростник и пальмы, за ними стелились хлопковые поля. В зарослях спали на гнёздах ибисы, бугристые туши бегемотов дремали на отмели.

Но стоило ступить от воды, и под ногами хрустела сухая трава. Солнце здесь опаляло всё живое, что осмеливалось поднять голову под его лучами — на пустынных окраинах, за солончаком, хоронили бедняков и устраивали свалки.

Из продуваемой горячими ветрами пустоты Боги некогда и сотворили Великий Кир.

Касдим Тобе родился в Тирре и возвращался домой с войны третьего числа месяца месра, пятьсот сорок второго года от Великого Раскола.

Вернувшись в каюту, Касдим сидел одетый на кровати, не смыкая глаз. Как ребёнок, он то и дело поглядывал в окно. Саламандер, деливший с ним каюту, начищал длинный меч, приговаривая, что перед королевами стоит прихорошиться.

Касдим не видел палатина без панциря из красной эмалевой чешуи и плаща цвета бычьей крови, скреплённого фибулой-ящерицей — Саламандер спал и ел в доспехе. Хоть бронзовое, лицо его выглядело моложаво, голова поседела до последнего волоса. Касдим слыхал, что даже сам Эспен зовет своего принцепса просто Саламандером. Только благодаря ему и его палатинам на палубе «Ровейна» вообще дошла до устья Махру.

Три года войны между Киром и союзом Сиргларa с Медитеррой растоптали Западное побережье Эпе. Касдим помнил, как королева Сарамея Олферонская не пожелала даже взглянуть на торговца солью, прежде чем бросить в темницу. Помнил дни штурма в подземелье без еды и воды, горы мертвых на площадях и Эспена Собирателя на золотом троне, принимавшего присяги милующего и карающего олфеонскую дворню. Там же он снова увидел Сарамею — на сей раз в цепях, когда тан Арахон и Саламандер спешно увели её к пристани в окружении полусотни палатинов.

Тогда у причалов Касдим забрал свою «Ровейну», заменив прожжённый парус с речным усатым змеем гильдии на королевский — с пляшущей среди копий саламандрой. Костяк команды уцелел, и малым числом они присоединились к каравану Эспена.

Такова каперская доля.

После долгих раздумий Касдим всё же достал гайтан, повесил сушёный нос на шею. Саламандер хмыкнул.

Десяток лет назад Касдим даже в шутку не мог представить, что его торговая кобрита «Королева Ровейна», названная в честь первой жены Эспена Великого, окажется в караване, везущем трофеи из сожжённого Олферона. Нос еретика на груди казался пустяком по сравнению с содержимым трюмов.

На Эпе все — медитеррийцы с сиргларцами, великородные киряне и жители ледяных гор Кромдуна — равно чтили Тевтоса, Отца всех людей и зверей, и жену его Великую матерь Астарот.

Только от проигравших войну боги отвернулись.

Впервые Касдим перевозил рабов — две дюжины душ. Их стоны доносились сквозь палубные доски вместе со скрежетом металла. Он вздрагивал, когда палатины спускались вниз навести порядок, и всю дорогу панически боялся бунта.

По берегам зажигались огни. Люди высыпали в ночную темень, чтобы увидеть чудо — «Теснительницу вод», тянувшую баржу с захваченными идолами богов. Толпа на травянистых склонах падала ниц, эклиссы воспевали гимны из Родительского Наказа. Их отголоски доносились до Касдима неразличимым воем.

*Или, может, воет кто-то в трюме… Кто-то из «этих».*Касдим заставлял себя забыть, что под ногами заперты люди.

За окном, разрезая ночную тьму, всё ближе горели огни Тирры. Луны — малая Тихе и большая Астарот — бледнели, возвращая воде и зелени истинные цвета. Короткая ночь сезона засухи подходила к концу, и Касдим вернулся на кормовую надстройку. Он как-никак капитан, а у капитана всегда много забот при выгрузке.

Приближались стены Тирры из песчаника, расписанные красными и синими зигзагами. За ними прятался самый жизнелюбивый город. Треугольные зубцы башен врезались в небо. Купол эклиссии сверкал в рассветных лучах.

Дозорный на западной стене затрубил в рог, и причалы отозвались гулом — первый корабль каравана входил в порт. Посередь зубцов стены толпились крошечные фигурки горожан. Каждый тирриец желал лично встретить главный трофей войны — олфеонских идолов, которым отныне суждено стоять в Белой эклиссии Тирры.

Касдим скомандовал Сетху готовить к постановке якорь, а матросам — готовиться к швартовке. Саламандры выстроились в ряд на палубе. Мелкие рыбацкие судёнышки спешно освобождали пристань, а на берегу стража уже расчищала место под груз. Над городом дрожало марево горячего воздуха, нагнетённого из пустыни. Патрули палатинов встречались на каждом шагу, а набережную и вовсе оцепили живым щитом.

Деревянные сходни «Ровейны» с грохотом обрушились на причал. Набежали грузчики; завоняло тухлой рыбой, уши заложило от криков с торжка. Ступив на берег, Касдим почувствовал, как раскалённые камни мостовой жгут сквозь толстые подошвы сандалий. Тело после трёх недель речной качки слушалось плохо, суставы ломило, а зной уже давил на рёбра.

Саламандер сошёл следом. Касдим заметил, как тот скалится во весь рот, будто вернулся в лучший из миров. Его чёрные глаза скользнули поверх набитого людьми порта в самый конец Лодочной улицы.

— Гляди в оба. Королева Ровейна — настоящая королева, а не твоя дырявая шлюпка — должна прислать приёмщика по наши души, — он задержал взгляд в одной точке, — о, вот и они. Гляжу, Са-Балу сынка своего пропихнул поближе к добру.

Важный человек с золотой чиновничьей цепью на шее и надменным выражением молодого лица приближался к ним в паланкине. Следом шествовал писарь.

Чиновник недружелюбно скосил глаза на Касдимову грудь, где висел нос еретика.

Лишь завидев чиновничью цепь, Касдим припомнил две разбитые в начале пути вазы и трёх погибших рабов. Он вытер платком смуглый лоб, плавно переходящий в лысину. Уголки губ дрогнули в слабой улыбке.

Если я уже беспокоюсь о вазах, значит, война и правда кончилась. По крайней мере, для меня.

3

«Королева Ровейна» легчала, разрешаясь от бремени у причала. С соседних кораблей непрерывно таскали трофеи. Королевские грузчики еле протискивались в тесноте: на каждой площадке громоздились ряды амфор, сундуков и штабеля ящиков. С пятого судна выводили зверинец Сарамеи Олферонской. Крикливый, переливчатый павлин в клетке заглушал даже портовый шум.

И как эту курицу не пожрали в осаду?

Выгрузка шла муторно. Ещё до подписания бумаг грузчики обнаружили разбитыми десятикиратовый горшок с шафраном и ценную олферонскую вазу. О находке немедленно доложили писцу и чиновничку Са-Балу с глазами дохлой рыбы.

На другом конце набережной палатины передавали государевым людям живой товар. В отсутствие Саламандера спорить с вельможей Касдим не решился, только процедил сквозь зубы: «Бюрократы».

Матросы «Ровейны» вытягивали из трюма глыбу мрамора, обмотанную рогожей. В бумагах она значилась статуей святого Хема — охотника и покровителя войны. Из глухого ропота команды было ясно, как сильно всем осточертели походы.

Скорее бы добраться до «Ловкой рыбачки», отведать жареных крабов и холодного пива, — мечтал Касдим. Кожаный тубус с подписанными накладными он прижимал к себе как дитя. Укрывшись от зноя в тени трофейных амфор, он наблюдал за выгрузкой разнородных остатков — мелких тюков и корзин, что втиснули в зазоры между крупным товаром. Грузчики таскали их быстро, словно не знали, что несут целое состояние.

Касдим обернулся на влажный хруст. Шов на боку ивовой корзины разошёлся. Тяжёлый свёрток пробил прутья и вывалился наружу.

Под ногами грузчиков мелькнула серая тень. Местный мальчишка бросился ничком, слёту схватил фигурку и сильно ободрал плечо о мостовую.

Он появился так внезапно, что Касдим не сразу понял, откуда. То ли из тени навеса, то ли из-за бочек — вырос из-под земли. И теперь стоял, баюкая ушибленную руку, и протягивал Касдиму спасённую ценность.

Рабочие, поглядывая в сторону навеса, откуда уже направлялся к ним писарь, торопливо подвязали лопнувшую корзину и продолжили работу.

— Спасибо, сынок, — Касдим протянул руку.

Паренёк без сожаления отдал свою добычу. Касдим размотал ткань; под ярким полуденным солнцем забелела мраморная красотка — Майя, покровительница татей и убийц. Работа была тонкой, посильной разве что мастерам далёкого Ганк-Васу. Оба уставились на святую.

— Ты сам что тут забыл? — опомнился Касдим. — Как пролез через палатинов?

Малый перевёл взгляд со статуэтки на сушёный нос на шее Касдима, переменился в лице и дал стрекача.

Воришка?— Касдим тронул бедро, нащупывая кошель. — *Нет, побирушка. Жаль, я бы дал ему монетку.*

Он проводил глазами серую тень и застыл с полуоткрытым ртом. Мальчишка юркнул прямиком к нарядному навесу писаря. Там, опираясь на трость, стоял старец в лиловом шёлке. Хоть лицо его исказили морщины и загар, Касдим сразу узнал светлую кожу и сиргларскую наружность. С портовых чиновников точно шелуха слетела спесь — золотая цепь на пришельце висела потолще, чем на Са-Балу.

Старик тяжело склонился, и подбежавший мальчонка что-то быстро зашептал ему на ухо.

Важная птица, видать, — смекнул Касдим. В подтверждение тому к старику широкими шагами уже поспешал Саламандер. Касдим, сжимая в руке завёрнутую в парусину Майю, тоже двинулся к ним.

— Мастер Одрин! Я знал, что и у вас здесь свой интерес, — хмыкнул Саламандер, и они со стариком стиснули руки сиргларским рукопожатием.

— Ну, разумеется, — с благодушной ухмылкой отозвался тот. — Я с самого утра далеко не отхожу, с тех пор как Астер сообщил мне, что вы причалили. Жду, так сказать, свою добычу. — Он ткнул тростью в ящики. — Да и олферонские идолы впечатляют. Я знал, Эспен не оставит эти образины стоять на пепелище.

— Вы назвали богов образинами? — лицо Са-Балу стало деревянным. — слер Одрин, удержитесь от хулы хотя бы в присутствии государевых людей… — он многозначительно повёл подбородком, намекая на себя и писаря.

Писарь равнодушно катал перо между пальцами, поглядывая в сторону пирамиды плетёных корзин, которые ещё предстояло принять.

— Ты просто не видал их, Хетти Са-Балу, — поддержал старца Саламандер. — Хула — это их морды, а старик прав.

— В любом случае, слер Одрин, прошу вас обождать, пока не закончится приёмка королевских ценностей, — Са-Балу попытался вернуть разговор к делу.

Сиргларский старец презрительно сощурился.

— Я не сдвинусь с этого места, пока Небесная Гильдия не заберёт олферонские приборы, на что имеется прямой приказ Эспена.

— Всё, что потребно, доставят в университет позже, — проворчал Са-Балу. Тон его заметно посерел.

— Позже — это когда их приберёт к рукам королева? — едко уточнил Одрин. — С предыдущего каравана обещанного я так и не увидел. Скажете опять, всё затерялось в дороге? На носу Лунное Стояние, милейший!

Из-за его лилового плеча снова вынырнул тот мальчишка. На фоне приметного хозяина он казался невидимкой, но, встав на цыпочки, быстро зашептал Одрину на ухо. Старик выслушал и повернулся к приёмщику.

— Не меньше семи ящиков и три корзины с клеймом Небесной Гильдии — звезда в глазу, вы, верно, его знаете. Пожалуйте сюда. Из рук в руки моим людям.

Старик перехватил недовольный взгляд Са-Балу на мальчишку и хмыкнул.

— Похоже, считает Астер складнее казнокрадов королевы.

Этот дед не просто важная птица,— оробел Касдим, покосившись на застывших палатинов и побагровевшего Са-Балу, — *он неприкасаемый, раз может полоскать имя королевы прямо у причала.*

Тяжёлая ручища Саламандера обрушилась на плечо Касдима с такой силой, что ноги подогнулись.

— Чуть не забыл, — разбил принцепс зловещее молчание. — Касдим, знакомься. Этот сушёный урюк — Федис Одрин, мастер Небесной Гильдии и придворный звездочёт. А это, мастер Одрин, наш кобритник Касдим Тобе. Надёжный мужик, он с особой аккуратностью доставил ваши сокровища. Спасён королём из олферонского плена.

— Приятственно слышать. Прохладного дня, — благодушно отозвался Одрин, ничуть не рассердившись на сравнение с урюком. Но смерил его свысока, как селёдку на развале. Касдим заискивающе улыбнулся, прижимая к груди тубус и свёрток с Майей.

— Плен на вас почти не отразился, — приметил Одрин. — Главное, здоровье берегите, воздух на тамошних болотах гнилой.

Взгляд его упёрся в сушёный нос и глаза старика хитро сузились.

— Вы случайно не из людей легата Хейна будете? Давно из Ганк-Васу вестей не поступало. Взяли его наконец?

— Нет, он от Ракия с Арахоном, — ответил Саламандер вперёд открывшего рот Касдима. — Возьмут Ганк-Васу — первыми узнаем. После Олферона недолго им осталось трепыхаться.

— Я в Олфероне четыре месяца провёл. Охота хоть на день из мыслей Медитерру выкинуть, — наконец вклинился в разговор Касдим, силясь сгладить неловкость поклоном. Он нашёл глазами мальчишку. Тот обладал чисто рабским умением сливаться с окружением, едва господа открывали рот. — Ваш раб не дал разлететься этой Майе, — Касдим показал Федису мраморную фигурку. — В падении у земли перехватил. Я шёл за ним, чтобы монетой наградить.

— Астер не раб, а человек посвободнее моего, — отшутился слер Одрин, но по его лицу мазнуло явное недовольство. — Так и быть.

— У земли, говоришь, поймал? — поинтересовался Саламандер. Пока Касдим развязывал кошель, Саламандер уже выудил медную четвертушку и швырнул её Астеру под ноги.

Принцепс любил так баловаться — бросать монеты челяди и глядеть, как те рыщут в пыли. Но слуга звездочёта поймал монету в полете и глаза его заблестели торжеством.

— Ловкач! — присвистнул Саламандер. — Либо деньги любишь. И то и другое неплохо. Хотя лицо твоё мне знакомо...

— Довольно знакомств, — оборвал его Федис Одрин.

Мальчишка Астер вздрогнул, поклонился и попятился в тень.

— Займёмся моим добром, — старик угрюмо навалился на трость. — Я уже не в тех летах, чтобы любезничать до вечера.

4

Университетские подошли к приёмке расторопнее. Сквозь оцепление палатинов протиснулись пустые подводы. Все ящики со «звездой в глазу» слер Одрин отбирал лично, требуя вскрывать их прямо на камнях мостовой.

— Великолепно! Прекрасно! — слышал Касдим его довольное бормотание.

Коробки на подводы споро грузили упитанные, недурно одетые юноши. Они слишком много переговаривались, и по их злому, приглушённому ропоту Касдим понял: это тоже не рабы. Федис Одрин согнал на причал недорослей, заваливших весенний диспут. Те тихо проклинали его, но грузы носили.

«Теснительница вод», буксирующая баржу, причалила последней. Трубный рёв оповестил Тирру о прибытии идолов, в один миг оборвав портовую суету. На высоких стенах города, укрытые от солнца зонтами, встали жёны Великого Эспена — королева Ровейна и королева Сурра с многочисленной дворней. Касдим приложил ладонь козырьком к глазам, чтобы рассмотреть великую жену, давшую имя его кобрите, но разглядел лишь пылавшую от красных шелков и золота точку.

Изнурёные долгой разгрузкой люди замерли, оборачиваясь к реке. В порту повисло молчание, совсем не похожее на тишину молитвы.

Громадины из тёмного олферонского песчаника, удерживали на палубе корабельные канаты. Даже глумливый Саламандер уставился на идолов, и с его лица сползла ухмылка.

Мать и Отец из Медитеры имели по четыре руки, не носили одежд. На зверских мордах их — не лицах — отпечатались гримасы, а лбы тяготили рога.

Циклопический, в пять амату высотой торс Тевтоса, обрубленный по пояс, мастера поставили стоймя, укрепив подпорными брёвнами. Астарот выглядела изящнее, но и та казалась огромной. В толпе зевак воплем ужаса залился ребёнок на плечах у отца.

Касдим сам привык видеть Матерь Астарот крутобокой смуглой женщиной с добрыми глазами цвета эбенового дерева, любовно смотрящей на него с домашнего алтаря и благословляющей на выгодные сделки, соития с женой и сытные обеды, а не злобным идолищем, чья рожа будет являться в ночных кошмарах.

Каковы медитеррийцы — таковы и их боги.

И грузчики, и зеваки, пришедшие встретить идолов, похоже, думали о том же. Порт накрыл суеверный шёпот.

Федис Одрин достал из открытого ящика астрономическую линзу, неторопливо отряхнул её от соломы и посмотрел сквозь стекло на приближающуюся баржу.

— Да, сложно узнать в эких чудищах Матерь и Отца, — негромко произнёс звездочёт. В его глазах, полных высокомерия, мелькнул страх. — Как такие громадины запихнут в Белую эклиссию? В Олфероне, помнится, они стояли на площади.

— Статуе Тевтоса случайно откололи нижнюю руку трибушетом. Видите, отдельно валяется, — Саламандер ткнул пальцем в сторону баржи, силясь вернуть голосу прежнюю небрежность. —Зато без ног он отлично пролезет в двери эклиссии.

— Не беда. По мне так у них обоих парочка лишних рук.

— Да вы знатный богохульник! — вымученно пошутил Саламандер.

Касдим не находил в богохульстве ничего весёлого. Баржа медленно плыла мимо их причала к дальней площадке, но и ту спешно расчищали для махин. Портовых зевак цепь палатинов сдвигала всё дальше на Лодочную улицу.

Солнце било идолам в спины, и когда торс Тевтоса поравнялся с Касдимом, его силуэт заслонил дневной свет. Длинная тень упала на берег, накрыв ближайшие грузы и часть толпы. Тёмный песчаник под палящим солнцем казался ледяным. Под накрывшим причал рогатым контуром ему показалось, что жаркое солнце месяца месра вот-вот погаснет.

Глава 1. Диспут

1

Сиргларец Федис Одрин принадлежал к немногим старикам, что живут настоящим, а не прошлым — не от избытка сил, а от избытка причин забыть былое.

Потомков он не нажил. Потому историю, как третий сын сиргларского тана Одора стал приближённым злейшего врага Сиргларa, он мог рассказать разве что эконому Чиме Биведли да сиротке-слуге Астеру, чьих силёнок порой не хватало зашнуровать господину сандалии.

Жёнушку, Дайму Нугвин, сбежавшую сорок лет назад, вспоминать Федис не любил. Взамен он окружил себя делами: принял звание мастера Небесной Гильдии, сел в кресло придворного звездочёта и возглавил кафедру астрономии в Тиррийском Университете.

Здесь он чувствовал себя на своем месте, хотя коллеги и намекали — пора бы на покой.

К середине месяца месра, когда воздух в Тирре раскалялся так, что яичница могла сжариться на камнях, Федис руководил диспутом у бакалавров в крытом амфитеатре первого этажа университета.

Бок о бок с ним в плетёных креслах сидели старший звездочёт Левон Аддакс и профессор богословия Кофи Зумбра. Первый ходил в Небесной Гильдии в заместителях и с нетерпением ждал, когда кресло мастера наконец освободится. Второй, закостеневший догматик, считал науки ересью.

— Я вижу здесь много лишних лиц, — строго сказал Федис, оглядев собравшихся в лекционном амфитеатре. — И в который раз повторяю: слуги и писари, вон с диспута!

Студенты зароптали. Все как один устремили взгляды на обритых мужчин в серых тогах домашних писцов.

— Я всех вас вижу. Передайте хозяевам дословно: познать устройство неба, сидя дома, могут лишь словоблуды или домохозяйки, с которых никто не потребует плодов труда.

Писари, втянув головы в плечи, начали проталкиваться к выходу. Федис проводил их надменным взглядом.

— Извольте, слеры! — прервал ропот Левон, постучав тростью по полу. — Выслушать тезис!

— Истинность или ложность эфемерид малой луны, — празднично ухмыльнулся Федис.

За сложными терминами стоял вопрос, волновавший всех на Эпе: куда и почему каждый год пропадает луна Тихе. Во время зимнего солнцестояния малая луна заходила за большую и скрывалась из виду до самого конца месяца зунну-рабу. Родительский наказ давал исчерпывающий ответ на сей вопрос, о чём не преминул высказаться профессор Зумбра.

— Догма гласит, — затянул Кофи Зумбра, — что луна-Матерь Астарот и малая луна Тихе есть жёны Отца-солнца. И в самые тёмные дни года, когда бьётся Тевтос в Оребе с огненным океаном Атуну, когда нет вестей, наступит ли день, младшая жена покидает небосвод.

— Такой ответ годился бы лет четыреста назад, — сухо улыбнулся Федис, — пока Дагба Черноногий не провёл свои расчёты. Истина требует, чтобы её искали.

Он с воодушевлением дал знак Астеру. Мальчик принялся проворно обмахивать господ опахалом. Сидевшие в передних рядах студенты вытянули шеи, чтобы попасть под ветерок.

— Начну я, — поднялся с места лохматый бакалавр в лиловой тоге астронома. — Великий Дагба рассчитал, что Тихе вовсе не мала, а больше самой Астарот. Орбита малой луны расположена дальше на небесном куполе, но идёт она быстрее.

— И какую же толщину имеет небесный купол? — вскинулся Зумбра.

— В Наказе писано: двадцать тысяч локтей, — вмешались легисты. — И как, по-вашему, туда поместятся созвездия?

— Он должен быть толще, — возразили астрономы.

— Позвольте, — вступили богословы. — Тогда и звёзды крупнее Великой Матери-Луны?

— Фрагмент перевели с медитеррийского неверно, — ответил своим же бородатый богослов. — Медитеррийцы считают, что двадцать тысяч локтей от земной тверди до большой луны. До тверди небесной никто не считал.

— А разве за большой луной может вообще пролегать небесная твердь?

Легисты, как всегда, ничего дельного не ответили, но расшумелись и предложили выяснить эфемериды луны на кулаках.

— Не отходите от тезиса, слеры! — Левон остервенело стучал тростью о кафедру. — Может, тогда и придём к чему-нибудь.

— Господа, не забывайте, что догмы незыблемы, — утирая пот, выкрикнул Зумбра.

— Продолжайте! Очень хорошо! — кивал студентам Федис, подпирая подбородок тростью. — Никогда не знаешь, куда заведёт диспут.

Рано или поздно он всё равно сворачивал к политике. Ныне всякая идея, рождённая в Медитерре, приводила к дискуссиям совсем не научным.

Бородатый бакалавр-астроном с верхнего ряда, где сидели бездельники, заносчиво выкрикнул в сторону легистов:

— Наказ свят, но вспомните, откуда приплыли писания?

— Медитерра? — подхватил легист с подоконника. — Слышали, каких идолищ приволокли на каперских баржах? Если так они видят нашу веру, то и науки их не краше. Легат Хейн, верно, разогнал их.

Амфитеатр мгновенно взорвался встречным ропотом. Молодёжь, опьянённая далёкой войной, повскакала с лавок, начисто позабыв про луны, и принялась яростно перебивать друг друга.

— Хейн больше года возится! — орал худой недоросль-легист, яростно жестикулируя. — Легат Ракий — вот он бог войны, разобрал Олферон до последнего камня.

— Да твой Ракий мясник! Два легиона положил. Хейн своё дело знает! — осадил его астроном с третьего ряда. — Войско сберёг. Колесоголовые со страху жрут свою очернённую кожу.

— Рекруты молятся, чтобы попасть в пятый легион Хейна Бескровного!

Левон Аддакс остервенело колотил тростью о кафедру, требуя вернуться к тезису, но юноши уже не желали рассуждать про Тихе. Они кричали о стратегии, морили Ганк-Васу голодом и жестами делили олферонские трофеи.

В рукаве Федисовой рясы лежал полученный на рассвете свиток с восковым отпечатком скрученной змеи пятого легиона, от Хейна лично. Любимый ученик решил порадовать Федиса в числе первых: *«Ганк-Васу вот-вот падёт. Гордись мной — падёт без единой капли крови… Вышвырнем сиргларцев из Медитерры…»*

Разве не ясно по караванам из Олферона, что сиргларцы давно оставили надежды владеть Медитеррой? Но тревожит меня иное...

Он год держал город в собственном дерьме, с весьма малыми потерями. Принц Хейн обрёл широкую популярность и в письмах уже величал Медитерру своей.

Медитерра не твоя. Король этого не допустит.

Особенно расшумелись легисты, сидевшие на подоконнике. Федис хотел было прикрикнуть на них, но вскоре понял, что причиной шума стал не диспут.

Со стороны университетской площади доносился свист плети и вой. Любопытный Астер вытянул шею, не переставая махать опахалом.

Терпение Федиса кончилось быстро. Он встал.

— Потрудитесь объяснить, что вы здесь обсуждаете?

— Шогу кнутом поучают! — прорвался сквозь лавину голосов бас громадного усатого легиста.

Шогой звался местный дурачок. Студенты считали доброй приметой потрепать его за плечо перед диспутом, а стража обычно лишь слегка колотила его, когда он швырялся в прохожих дерьмом. Раздался свист плети, рассекающей воздух, и вой стал ещё громче.

— Его сейчас убьют?! — воскликнул Астер, роняя опахало.

2

У фонтана на площади остановился паланкин казначейства. Чёрное дерево и занавески из красного шёлка пятном выделялись на раскалённых булыжниках. Навершием дверцы служил огромный серебряный карат с профилем короля Эспена. По чеканной монете и роскошным занавескам стекали смердящие испражнения.

Раб в бордовой тунике, поджав от старания губу, методично побивал кнутом Шогу. Несчастный дурачок катался из стороны в сторону в дорожной пыли, но стальной наконечник кнута настигал его повсюду.

Левон Аддакс удивлённо приподнял брови, глядя, как Федис отправился на улицу, увлекая за собой нескольких школяров и слуг покрепче. Коллеги в амфитеатре даже не пошевелились.

— Будет вам, — лениво воззвал со своего места Левон. — Побьёт и перестанет.

— Помилуйте, вам бы понравилось, если бы в вас кинули лепёшкой? — догнал Федиса у самого выхода осуждающий голос Зумбры.

Астер лихо перепрыгнул через подоконник и бросился на площадь. Дурачка мальчик обожал. Шога детей не обижал, и при встрече часто падал к ногам Федиса с восторженными криками: «Господин Луна!».

Кнут свистнул слепо и саданул по ногам бегущего Астера. Тот с криком повалился в пыль недалеко от Шоги.

— Вы знаете, кто я? Я вам приказываю прекратить! — Федис мчался к ним, налегая на трость. За его спиной угрюмой стеной выстроились студенты-легисты, готовые к драке.

Носильщики паланкина попытались преградить ему путь. Только когда край занавески приоткрылся, слуга свернул кнут в ракушку и отвесил молчаливый поклон.

Окровавленное тело Шоги в пыли и грязи уже не шевелилось. На лодыжках Астера заалели кровавые полосы.

— Продолжай наказание, как велено! — раз раздался резкий голос из глубины паланкина.

— Он умер! — в слезах выдохнул Астер.

— Слышали? В этом нет надобности. Он уже умер, — сухо сказал Федис и с силой стукнул набалдашником трости по лакированной крыше паланкина, вынуждая обитателей выбраться.

— Прохладного дня, мастер Одрин, — учтиво поздоровался Хаппа Са-Балу, выбираясь на зной. Сурьма вокруг его глаз потекла от жары. Он имел титул королевского казначея; крупные серьги-монеты золотились на отвисших мочках ушей, а светлые шёлка придавали лицу ещё большую черноту.

Компанию казначею составлял сынок — молодой слер с жиденькой чёрной бородкой. С ним Федис давеча встречался в порту.

— Помните Хетти? Уже месяц, как он вступил в коллегию торгового района, — хвастливо представил его Хаппа.

— Он уже попил из моряков крови, — Федис не удостоил взглядом отпрыска Хаппы. — Зачем вы убили нашего дурака? И раб ваш ранил моего слугу.

Хаппа прищурился, став похожим на жирную, подведённую сурьмой змею.

— Не думал, что ты настолько не в духе. Оглянись: тут даже верблюжьи лепёшки с мостовой не убирают. Пороть следовало уборщиков? Ничтожный бродяга получил кнут по заслугам. Или для тебя это забава? Сынок…

Хетти нервно дёрнул плечом и брезгливо кивнул на испачканную дверцу паланкина:

— Он швырнул верблюжий навоз прямо в профиль его величества. Это прямое оскорбление государя… Его величеству не по вкусу придётся такой покров. Из дерьма.

Прохожие уже останавливались поодаль, окружая их испуганным кольцом. Люди смотрели на мёртвого Шогу, замаранный карат и вполголоса шептались.

— Чушь, — нахмурился Федис. — Как можно кусок дерьма назвать изменой? Юродивых опекают боги, и наш король не стал бы казнить дурака из-за замаранного серебра.

Он обернулся к студентам:

— Ну, вот вам очередной тезис, слеры. На чью сторону встанете?

— Нищего, — угрюмо закивали легисты и примолкли.

Подхалимы и лгуны не хуже Хаппы.

— Сотни монет с профилем его величества выгребают за год из ям в общественных туалетах, — подал голос усатый легист, что шумел на подоконнике. — И что же, все уронившие их — изменники? Лик короля каждый день тонет в чужих испражнениях, и казначейство это не заботит.

— Он сделал это намеренно! — вспыхнул оскорблённый в лучших чувствах Хети Са-Балу. — На площади, прилюдно!

— Наш король не казнил бы юродивого, — упрямо повторил Федис. — А казнокрада и плута с удовольствием.

— А вот в этом твоя главная ошибка, сиргларец, — Хаппа оскалился. Серьги-монеты в ушах качнулись. — Когда государь покорил Эпе, стоит ли позволять народу верить, что богам угодно подобное? Раз боги опекают юродивых, то и король — помазанник их не может быть запятнан. Даже безумцем.

3

Федис миновал Университетскую площадь, Старую Сухую улицу, зубчатую башню библиотеки и сквер с источником, у которого вечно толпилась очередь с кувшинами. Прошёл лавку сапожника, местечковый рынок, где торговка, жующая листья ката, настойчиво совала ему фиги, и наконец толкнул дверь собственного двухэтажного дома в самом конце Студенческой улицы.

На такое жилище в старом городе черноголовый простолюдин не скопил бы и за десять жизней. Федис Одрин приметил и купил этот дом сразу по приезде из Сиргларa, для себя и молодой жены — дочери Ахонского тана Даймы Нугвин. Признаться, не было и дня, когда он нуждался в деньгах.

В проулке доходного дома слеи Енохи провинциальные студенты жевали бехион и трепались, кухаркины дети помогали матери чистить рыбу. Находя стряпню этой кухарки весьма недурственной, Федис часто посылал Астера к ней за готовым завтраком и ужином.

В необходимость орды прислуги Федис давно не верил. Даже один слуга, ведающий бытом, способен проболтаться, а десяток слуг — уже хор трепачей. Секреты у Федиса имелись.

Воротившись домой, он сразу поднялся в кабинет на втором этаже. После пекла в прохладных каменных покоях разум оживал. Федис опустился на заваленное подушками ложе —

так, чтобы лицом к лицу оказаться со старым бахратским ковром, подаренным на свадьбу, ещё до отъезда с родины.

Он прислонил трость к витому подлокотнику и замер, вглядываясь в переплетение нитей.

— Вам дурно? — Астер, не дождавшись ответа, схватил с тумбы бумажный веер.

Федис забрал его и стал обмахиваться сам.

— Душно, Астер, у меня мигрень. Оставь меня.

— Я разведу вам змеянки, как вы любите. Двадцать капель, — понуро отвесил поклон служка и, дождавшись хозяйского кивка, прихрамывая побежал вниз.

— Не спутай, — бросил Федис ему вдогонку. — Двадцать капель змеянки на стакан воды, а не наоборот, как в прошлый раз.

Кнут раба едва задел его ноги, но душу точно ранил. Чиме стоит с ним поговорить.

Случай с Шогой задел не только впечатлительного отрока. Астер по молодости плохо переносил несправедливость, но Федис за свою жизнь видал достаточно.

Солнечные лучи дробились сетчатой ставней, ложились на старый ковёр ромбами.

«Разделение Киссата» — так звалась сцена из Родительского Наказа, шитая по полотну чёрными, красными и зелёными нитями. Первого человека — Киссата, наделённого разумом и волей, мужчину и женщину одновременно, боги вылепили из последнего благословенного куска глины Великого Озера.

Тевтос и Астарот на ковре разрывали вышитого Киссата на две половины — мужскую и женскую, дабы могли люди размножиться и дабы пошёл от двух частей Киссата род людской. Из разорванной шеи первого человека вырывалась не кровь, а драгоценные камни — киссиды, добродетели, коих навек лишились разделенные потомки Киссата.

Дайма настолько любила ковер, что позаботилась о его перевозке в Тирру. Это случилось более сорока лет назад — задолго до того, как Дайму уложила в постель гнилая лихорадка.

Видно, пустынный воздух и дурная вода подкосили её. Сначала покрылся язвами и загнил желудок, потом и кожа. Половину сезона дождей она умирала в своей постели. В своём бесславном конце, в восемнадцать лет, она так и не успела оставить потомства.

Суеверные слуги сразу разбежались, побоявшись демона гнилой лихорадки. За кров и еду согласилась прибирать за лежачей Даймой только старуха Сенет, да и ту Федис с трудом отыскал в Доме Бедных. Невесть о чём говорила она у постели больной, но беседовали они порой до самого утра.

Ночью на исходе сезона дождей Федис проснулся от шорохов на первом этаже. Кто-то возился у входа.

*Воры!*Испугавшись за Дайму — её ложе стояло внизу, — Федис без света прокрался к лестнице. Но чужак не пытался пробраться внутрь — он запирал дом изнутри на тяжёлый засов. Твёрдым шагом подошёл к треножнику в прихожей и зажёг масляную лампу.

Федис увидел Дайму. Она стояла в промокшей тунике, покрытой каскадами кровавых пятен.

*Снова кровавая рвота!*Федис застыл, но что-то помешало ему броситься к ней. То, как легко она пересекла прихожую, её твёрдый, уверенный взгляд — никак не вязалось с прежней немощью умирающей.

Дайма прошла в свою спальню, не замечая его в темноте коридора. Федис тихо двинулся следом. Из комнаты пахло гноем и близкой смертью, но сама Дайма резво скинула окровавленную тунику и пнула её под кровать. В полосе лунного света, падавшего из окна, он увидел её спину и плечи — чистые и гладкие. Ни единой язвы.

Кровь чужая.

— Дайма… — окликнул её Федис. — Ты встала сама? Где старуха?

Она обернулась, даже не пытаясь прикрыться. Во взгляде не осталось и следа прежней лихорадки. Заговорила она, как и всегда, мягким голосом:

— Старуха ушла. Сказала, нанялась судомойкой к слеру Табаху. Это кстати. Я как раз исцелилась. Как надоело терпеть это старое тело.

— Что?.. — выудил из пересохшего горла Федис. — Исцелилась? Как?

Не такой голос должен быть у счастливого мужа.

— Твоими молитвами Великой Матери и Ха-врачевателю, конечно, — отозвалась Дайма так же ласково, как холодно смотрели её желтовато-карие глаза, а руки раскрылись в объятьях. — Приди ко мне.

Федис застыл в оцепенении

Молитвами так не исцеляются.

В мысли сей Федис день ото дня укреплялся. Сама Дайма с той поры едва ли вообще обращала на него внимание.

Минуло менее года с её «исцеления», когда между Киром и Сиргларом вновь накалились отношения. Гебос Чёрный в очередной раз с позором выдворял сиргларское посольство. Дайма собрала вещи и сбежала в Хаик вместе с послом Сендором Набиином, родив тому сына Феса.

Ныне покойный король Мартин без лишних церемоний дал развод жене «предателя» и радовался её присутствию при дворе. Федис не сомневался, что и с сиргларским королём она спала.

Воровка вывезла несколько его монографий и наработки книги по небесной механике, чтобы в Сиргларе выдать за свои труды. Благодаря краденному её приняли в Хайке как учёную даму. У Федиса долгие годы волосы вставали дыбом не от мнимой чести, а от чудесного исцеления.

Славно, что Набиина хоть и посмертно осудили за шпионаж, а Дайма — уже в возрасте, когда груди свисают до колен, — была сослана в Кромдун как сообщница.

Федис с трудом оторвался от созерцания ковра, услышав на лестнице торопливый топот. Астер старался не шуметь, но всё равно гремел подносом, ложкой и пузырьком, виновато шмыгал носом.

— Ступай в кладовую и выбери себе мангустин послаще, — как можно мягче прогнал его Федис. Когда он бывал не в духе, малый частенько принимал это на свой счёт.

Астер испуганно улыбнулся:

— Спасибо, господин!

— На здоровье. Только не мельтеши.

Вновь оставшись один, Федис возбуждённо постучал пальцами по подлокотнику и достал из рукава письмо Хейна.

Федиса приглашали во дворец учителем для двух поколений Пандомеев. Он насквозь видел, на что способен каждый в этом выводке. Хотелось надеяться, что методы, за кои Хейн получил прозвища Мор и Бескровный, принц усвоил не на его уроках. Но именно за такие качества король и отправил брата брать Ганк-Васу — старое обиталище колесоголовых.

Подлый разлучник Набиндавно мёртв, но амбиции эклиссазанесли его отпрыска Феса именно туда.

Глава 2. Пришествие быка

1

В нарядном шатре Хейна Бескровного утробный звук слышали все. Дауд Зевер, сенешаль Ганк-Васу, оборвал усталую речь о капитуляции, а молодой тан Галь Иллил, вырядившийся в порфиру, обернулся.

Желудок Фортиса Квенша выдал урчание сызнова, громче прежнего. Ухмыльнулся трибун легата, Аброфа Змей. Фортис невозмутимо выправился, как и подобает ординарию.

Вчерашний обед его состоял из объедков, что подавали тану Иллилу, а ужина не было вовсе. И всё же Фортис считал себя везунчиком — для тысяч узников внутри крепостных стен Ганк-Васу дела обстояли куда хуже.

Видно, безбородый пёс в легатском кресле, застеленном волчьей шкурой, счёл утробный срам знаком и распорядился подавать завтрак.

Сквозь узкую щель в шатре рассвет золотил воды реки Шевеф. Под унылое молчание сиргларцев слуги втащили обеденный стол, уставляя скатерть блюдами с дичью, фруктами, горшками похлёбки и кувшинами с вином.

Бескровный принялся потчевать сиргларских делегатов:

— Всего два сорта вина. Скромно. Угощайтесь, Зевер, тан. Грибная похлёбка недурна, на Феразиме уже грибы полезли, знаете?

— Вашей милостью не знаем, — холодно ответил за всех Дауд Зевер. — Мы не голодны.

— Верно! Мы отказываемся есть твою еду, черноголовый, пока в городе тысячи голодных! — горячо высказался молодой тан.

По левую руку от тана разукрашенный шрамами правост Рагис — Надкушенный Раг — со свирепой мордой зыркал на черноголовых палатинов.

Хейн усмехнулся, закинул в рот виноградину и поймал злой взгляд Фортиса — перед сиргларцами на тарелке лоснилась зажаренная в меду утка. Стоило только протянуть руку и схватить.

— А я откушаю, если позволите, — Хейн аккуратно обмакнул хлеб в густую грибную похлёбку и принялся за еду.

— Вы так и не дали ответ: когда ваш царственный брат явится? — спросил Зевер, избавив своих людей от позора стоять и молча смотреть, как враг ест.

— Король на подходе, — запивая вином похлёбку, ответил Хейн. — Явится ближе к ночи. У вас ещё есть время, чтобы достойно его встретить и сохранить честь.

— Честь мы сохраним, если дадим вам, подлецам, бой! — прорычал Надкушенный Раг.

— Не смеши меня, правост, — оскалился Аброфа Змей. — Вы на ногах еле стоите. Биться с вами — всё равно что с маленькими детьми.

— Тише, Змей, — махнул рукой Хейн. — Брат скажет, что я сошёл с ума, коль стану тупить о мертвецов мечи

— Если бы нас не предали презренные Шерды и Араты… — Раг подался вперёд, и шрамы на его лице налились кровью. — Твоя голова украшала бы ворота Ганк-Васу, Змей.

Хейн насмешливо оглядел Рагиса и Зевера. Он отложил ложку, и улыбка окончательно спала с его лица.

— «Умные» — более подходящее слово. И это хороший тебе урок, Иллил. Дни твоего правления кончились, едва ты воспротивился Эспену. А мог бы праздновать вместе с Шердами, избавься ты вовремя от сиргларских советников. Тан Карред сдал мне Камнелесье, едва услышал, что Сарамею Олферонскую везут в цепях на потеху моему племянничку.

Услышав о королеве, Галь Иллил вскинул голову:

— У вас останется хоть немного чести...

— Дело не в чести, — брезгливо отмахнулся Хейн. — Будь ты бабой, Иллил, и умей рожать сыновей, государь пощадил бы и тебя. Но ты мужчина, так что лучше заботься о собственной голове. Рабский ошейник тебе пойдет. Будешь выращивать мне хлопок и драить нужники.

— Уж лучше смерть!

— Великий решит, жить тебе или умереть.

— Довольно испытывать моих людей и господина, — оборвал перебранку сенешаль. — Мы ещё не обговорили детали на завтра. Неплохо бы уточнить, какой встречи желает Эспен, чтобы избежать резни и провокаций.

— Насчёт резни… — Хейн щёлкнул пальцами, и слуга наполнил его кубок. — Все: мужчины, женщины и дети должны выйти на поклон королю Эспену. Все будут пересчитаны. Флаги вы снимите и низведёте на землю рядом с квестором. Если не сделаете сами… Эспен будет недоволен.

Легат улыбнулся, глядя на плохо скрываемую ярость гостей:

— Мало удали, но много разума, не так ли? Сие милосердно и богам угодно.

— Не дразните того, с кем уже договорились, легат. — Сенешаль едва заметно махнул вновь оскорбленному Галь Иллилу, унимая гнев. — Мы просим только взять побольше провизии и накормить голодных.

— Ваша просьба имеет смысл, — кивнул Хейн. — Морить голодом невинных — не лучший способ заслужить милость богов. Но вы и ваши воины не относитесь к невинным. И я все еще жду от вас карты и документы. Это будет небольшой гарантией для меня, что вечером вы не закроете ворота перед нашим носом.

— Разумеется, — сипло согласился сенешаль. — Квенш, передай легату тубус.

Фортис досадливо кивнул и сделал несколько шагов вперед из-за спины Зевера. Но дальше его не пустили.

— Бут, — позвал Хейн одного из саламандр в шлеме с красной султанкой.

Палатин перегородил Фортису путь, подставив позолоченное блюдо, на которое и следовало положить тубус с ведомостями о провианте, налоговыми кадастрами ремесленных цехов и планами городских водоразборов. Хейн наспех проверил содержимое и взглянул на Фортиса поверх бумаг.

Как на бычка с ахонского базара или… Как старый Нугвин.

Бритое и безусое лицо Хейна казалось Фортису маской убийцы — в Сиргларе волосы обрезали преступникам да мальчишкам до тринадцати лет. Кромдунский обычай велел отдать дань Тевтосу, заплетая несколько кос на голове, но на бороде их носили только отцы — по числу сыновей. Обычаи родины Фортис чтил и на чужбине, но рыжая бородка оставалась свободна: не успел он нажить в походах ни жены, ни потомства.

— А ты, полагаю, тот самый троглин, назначенный сопровождать жреца, — обронил легат.

Сенешаль Зевер за спиной молча кивнул.

— Кто ты такой?

— Моё имя Фортис Квенш, сын Рарека из Кромдуна, — представился он черноголовому принцу, но вместо поклона выправился.

Имя отца он назвал по сиргларскому обычаю, хотя южной знати нет дела до главы кромдунской деревушки. Для Хейна Пандомея отец его — простой мужик.

— Ты даже не дворянин? — Хейн хитро прищурился. — Как же тебе повезло стать ординарием? Похоже, удача любит тебя из-за имени.

Принц достал из ларя по правую руку свёрнутую грамоту и передал её через палатина с позолоченным блюдом.

— Можешь прочесть, если ординарий самого Дауда Зевера умеет читать. Его величество чтит духовенство, даже если оно служило врагу. И я согласен, сие богоугодно. Раз Зевер избрал тебя, значит, с заданием ты знаком.

— Мне оно известно, черноголовый, — Фортис шагнул вперёд и забрал грамоту.

Он скользнул взглядом по аккуратному почерку писца и красному шнуру, прошивающему текст по диагонали. Размашистая подпись в правом нижнем углу принадлежала самому Эспену, в левом болтался красный восковой диск с королевским профилем и жёлтый — с ящерицей Пандомеев.

«С нашего высокого согласия. Дозволяю без препятствий вывести из города Ганк-Васу верховного жреца Феса Набиина, его жену — верховную жрицу и детей их, назначить им сирглярский эскорт и не чинить им препятствий на пути в Сирглар».

— Главное, не повредите печати и шнур. Без них будет сложно убедить людей в подлинности грамоты, — предупредил Хейн. — Грамота станет пропуском сквозь заставы Великого Кира.

Пропуском для мертвецов. Их нет в живых.

Жрец Фес Набиин и вся его семья бесследно пропали в Ганк-Васу больше месяца назад, и поиски не принесли плодов. Галь Иллил переместил напряжённый взгляд на объедки Хейна и, слава богам, смолчал.

— Разумеется, — озвучил Фортис давно заученную ложь. — Набиин с домочадцами готовы к отъезду. До заката они покинут город. Об этом не беспокойтесь.

2

Медного быка — символ закона Великого Кира — выкатили к берегу Шевеф на бревенчатых катках. Солдаты до блеска натирали его литые бока ветошью. Тяжёлые рога целились в невидимого врага, а на медном хребте отчётливо выделялся контур дверцы — кто войдёт в его утробу, живым уже не выйдет.

Быка готовили к въезду в город.

Ветер трепал полы плащей, разгоняя утреннюю дымку над холмом. За год осады киряне втоптали в грязь окрестные поля и рыбацкие посёлки — вместо них вдоль берегов тянулись красные шатры пятого легиона. Ветер гнал удушливый дым лагерных костров к городу. Над Ганк-Васу вечно парило облако хмари, пачкая башни и посеревших, запертых внутри людей.

— Жаль, за красными патлами ушей не видать, — негромко посетовал конвоир сзади.

Черноголовые сопровождали их до земляного вала у подножия холма. Фортис держался замыкающим. Крупный, сытый жеребец кирянина наступал на пятки Вереску, сбивая с шага. Лёгкие, опустевшие ножны бились о колени, напоминая о позоре.

В семнадцать лет отец обещал, что домой он приедет другим. Три года Фортис месил местную хлябь и теперь понимал: тот, кто уходил из Кромдуна, обратно уже не вернётся.

Фортис сжал коленями тощие бока Вереска, выравнивая шаг. Загрудный карман жгла грамота Эспена. Соседствовали с ней нож, взятый на всякий случай, и фиги с хейнова стола.

— Может, ушей там давно нет, а ты размечтался, — лениво отозвался второй черноголовый, носивший на шее ожерелье из вяленых ушей. — Наш брат такого не пропустит.

— Штабные крысы уши берегут, спорим, что остались?

— Ладно, — согласился второй. — Знаю, бродит там ещё один рыжий кабан, большой, как гора. Со стены за версту видать. Вот там уши так уши.

Тевтос смилуется, завтра ты нас не отыщешь.

— У кабанов шкура толстая, кирянин, — не выдержал Фортис. — Замучаешься резать.

Палатин позади хмыкнул. Дауд Зевер развернулся в седле и наградил Фортиса злым предупреждающим взглядом. Дорога уходила вверх, на бесплодный, затоптанный холм.

— Приехали, — взмахнул рукой Зевер у земляного вала. — Жду оружие.

— Разбирайте зубочистки, сенешаль, — гадко ухмыльнулся старший конвоир. Сиргларцы один за другим разбирали мечи.

Черноголовые развернули коней. Едва стук кирянских копыт затих внизу, правост не выдержал — разразился бранью, какую сдерживал всё утро. Галь Иллил подхватил её на изысканном и почти забытым на Эпе медетерийском.

— Кончайте тявкать и идите сюда, — оборвал их Дауд Зевер. — Особенно ты, Квенш.

Сенешаль первым поднялся на гребень холма. Сиргларцы молча потянулись следом, ведя ослабших лошадей по круче. За год осады Зевер почти облысел и потерял половину зубов. Лицо стало рыхлым, как земля, и серым от пепла — под стать городу.

С высоты Фортис ещё видел нарядный шатёр ночного совета, но внимание отвлекли галдящие чайки. На речной косе, облепленной птицами, выстраивался строй стрелков Кира. Напыщенный опцион дал им отмашку, и стрелы тучей взвились в небо. Раздобревшие на лагерных отходах чайки посыпались в воду. Стрелки с огромной корзиной уселись на деревянную переправу и поплыли собирать добычу. Опцион поглядывал в сторону холма.

Галь Иллил и Фортис переглянулись. Любой житель Ганк-Васу мог лишь молиться, чтобы эти неповоротливые птицы вместо лагеря черноголовых повадились в город.

— Когда им надоест потешаться? — спросил Фортис.

— Они репетируют ночь, — мрачно сказал Зевер. — Верь глазам и ушам, а не лживым обещаниям Хейна. Не верь слову кирянина.

Ганк-Васу привык к частым новостям о перебежке очередного тана. Да и вести о взятии Скара Брелл и Олферона он принял с равнодушием истощённого голодом тела. Нынче вокруг Ганк-Васу сомкнулись не только болота, но и войска черноголовых.

Резиденцию великого тана ещё венчали знамёна Сиргларa с чёрной гарпией, озлобленной мордой сатира в колесе павших олферонских королей и грушевым древом благородных Иллилов.

Теперь наш черёд.

После малой заминки отворились ворота из морёного дуба. *Порог Ореба — загробное царство.*Запах гниющего на жаре мусора валил с ног. От деревянных строений остались жалкие остовы — что могло гореть, разобрали на дрова. Горожане проклинали день, когда не решились покинуть дома, и проклинали вещи, из-за которых остались здесь.

Пустые бочки на улице давно не наполнялись дождём. Фонтаны опустели. В пыльных переулках копались уцелевшие, выискивая чем поживиться. Даже благородные эреры и зен, привыкшие ездить в паланкинах и не считать монет, ныне дрались за коренья, крыс и кожаную упряжь. Хорос сказывал, как в ночной страже двое глупцов сварили и съели сапоги, да так и подохли от несварения.

В переулке мелькнули плащи ночной стражи. Фортис невольно перехватил поводья короче, высматривая Хороса. Братец сумел невозможное — оставался упитанным и легкомысленным в Ганк-Васу. Частенько он сам напрашивался в ночную стражу. Там-то солдаты пропадали чаще всего.

Зевер придержал жеребца Фортиса и повернулся к Надкушенному Рагу и тану. Бледное, безвольное лицо молодого Галь Иллила застыло восковой маской.

— Рано падать духом, великий тан. За сим ещё не конец, — попытался ободрить его Надкушенный Раг.

— Конец, — ответил Галь Иллил. — Мы лишь собираем щепки от разбитого корабля.

— Я присоединюсь к вам во дворце, великий тан, — учтиво поклонился ему Зевер. — Раг, вели спустить знамёна. Сними кирянские головы с площади, чтобы не злить Эспена, и созови правостов.

Рагис быстро кивнул и развернул коня, уводя великого тана прочь. Сухой палец сенешаля тут же указал в грудь Фортиса.

— Хейн все-таки не смог нарушить приказ самого Эспена. — Сенешаль пустил жеребца шагом дальше по мощёной улице, и Фортис на Вереске поравнялся с ним. — Квенш, поторопись, времени у тебя в обрез.

Взгляд метнулся к Зеверу.

— Кого прикажете везти вместо пропавших, господин сенешаль?

А главное — к чему вся эта ложь?

— Бескровный в глаза не видел Набиина, а его дочек — и подавно, — тихо продолжал Зевер. — Сажай на коней кого найдешь и беги, пока Эспен не передумал. Черноголовых волнуют печати на грамоте, а не лица Набииних. Отбери двоих или троих верных людей в подмогу.

— Двоих или троих? Ехать через всю Медитерру, везти семейство ряженых под охраной пары мечей?

— Лучше одного.

Зевер придержал поводья и посмотрел на него мутными глазами. На рыхлом лице проступила злая ухмылка. *Ясно.*Прежде он не раз возил свёртки вслепую.

— Дозволено ли мне знать, что я повезу на самом деле?

— То, что действительно имеет ценность, Квенш. То, за что нас с тобой изжарят в медном быке. Лишние мечи ни к чему. Для сборов дозволяю делать что угодно именем тана и моим именем, если цель оправдывает средства. Как управишься с Набиинами, явись к великому тану, и получишь последние указания как мой ординарий.

— Фесом я наряжу воина покрепче, чтобы сэкономить нам лошадей, — ответил Фортис. — Вторым будет Хорос Квенш.

— Ну кто же ещё. О брате твоём я наслышан, — проворчал сенешаль. — Даю добро только потому, что тебя он не предаст. Но учти: паёк у вас малый.

— Будет исполнено!

Что бы это ни было.

— Хорос отлично знает дороги. Если я погибну, он сдюжит не хуже.

С этим бы я поспорил когда угодно, но только не сейчас.

Сенешаль лишь коротко кивнул, пустил коня вскачь ко дворцу Иллилов, оставив Фортиса посреди улицы.

Раг говаривал: «Заскреблось в душе по дому — жди петли».

В Ганк-Васу лишь Фортис и Хорос знали, где нынче живет мать Феса. Зен Дайма Набиин доживала век в кромдунской ссылке под присмотром Головы. Старуха часто приходила в гости, пропустить с родителями и тётушкой Эльдой рожок-другой вишнёвой настойки. Сажала на колени меньшого братца Илота.

Каков он теперь? Верно, и не признать.

Уважение отца Дайма заслужила без труда — нагадала по звёздным картам Фортису воинскую славу, а Хоросу — здоровье и долголетие. Тот даже предлагал ей честь надеть банд клана Квеншей в красно-коричневую клетку, но старуха отказалась.

Я принесу ей весть о смерти сына.

3

К нему мчался Альф. В гарнизоне знали мальчишку как подручного Фортиса и звали Безусым Альфом. Фортис частенько позволял ему подсобить за еду — уж больно нравом и суетой парень напоминал малыша Илота.

Мальчишка задыхался, лицо побелело. Он ухватился за луку седла Вереска.

— Мастер Квенш! Вам стоит глянуть, что творится на Колёсной площади!

— Что стряслось?

Ничего хорошего, вестимо. На площади испокон веков стоял городской эшафот.

— Ночью… — язык отрока заплетался. — Колесоголовые… пока вас не было…

Фортис устало закрыл лицо рукой при упоминании главной боли командования Ганк-Васу. Порой Фортис Квенш на коне, да с бумагами в золоченной папке, забывал, что он — простой троглинский мужик. Но вспоминал быстро, едва дело доходило до железных мастеров, коих в народе звали колесоголовыми.

— Там его святейшество!

— Набиин? — переспросил Фортис, не веря ушам.

Отрок сглотнул:

— Его голова, мастер Квенш. Её повесили на колесо. Это их рук дело, все так говорят… люди на площади.

— Нёкк их забери! — Фортис кивнул за спину. — Залезай, поехали.

Альф упёрся сандалией в стремя и неловко забрался на круп позади седла. Фортис врезал пятки в бока Вереску, и они понеслись по разбитым улицам.

На службы Феса ходил Фотис регулярно вместе с сенешалем и великим таном. В дни осады молитвы питали лучше, чем пища. Горожане и солдаты точно знали: город пал духом в тот день, когда внезапно пропал жрец Набиин. Он и его семья исчезли бесследно. В казармах болтали, мол, толстого жреца, его жену и двух дочерей съели оголодавшие слуги.

Сам Галь Иллил за глаза величал Набиина сиргларским выскочкой.За то верно, что Фес приходился мужем его сестре-жрице.

При въезде на Колёсную площадь со стороны главных ворот высились идолы Отца и Матери. Не те, что стояли на домашнем алтаре в доме Квеншей, и уж тем более не те, что благостно взирали на прихожан в окуренных ладаном эклиссиях Хаика и Ахона.

Боги Ганк-Васу напоминали многорукие порождения Ореба. Им местные молились, называя Отцом и Матерью. Перед мордами чудищ Галь Иллил под песнопения эклиссов приносил жертвы на праздники. Тан пояснил Фортису, когда тот набрался смелости спросить: *«Облик богов в Наказе не писан, Квенш. Не лучше ли ваять их иными, чтобы помнить — боги вовсе не люди».*

Сейчас они с Альфом за спиной одним махом проскочили изваяния. На площади Вереска пришлось осадить и продираться сквозь людскую толчею.

Неужто все уцелевшие вышли к лобному месту?

Под ногами кровь смешивалась с пылью, превращаясь в грязную кашу. Посреди площади возвышался мраморный постамент с восемью деревянными колёсами на шестах, смотрящими по сторонам света. В мирное время сюда приносили вино и пшеницу, в войну же взгляд Тевтоса и Астарот тешили головы пленных кирян.

Иссушенная старуха проклинала всех и вся потрясая фигуркой святого Хема. Люд со страхом смотрел на одно из колёс, переговариваясь шёпотом.

— Какое святотатство, — говорили одни.

— Безумные еретики, — вторили другие.

— Железные братья редко ошибаются, — шептались третьи.

Фортис с трудом протиснулся ближе к шесту, оставив Альфу поводья Вереска. Лицо мертвеца обезобразили сигны — знаки железных мастеров, которые они чертали на телах.

Но даже сквозь знаки он узнавал жреца: светлые кудри, бескровные толстые щёки.

Это и впрямь Фес Набиин. Чем же ты досадил колесоголовым?

Фортис нервно щипал бородку. *Набиины теперь либо покажутся сами, либо мертвыми найдутся поблизости. А коль выползут на поклон к Эспену — нас с Хоросом и весь ряженый балаган зажарят в медном быке на потеху Хейну.*

— Что будем делать, мастер Квенш? — воззвал Альф, напуганный его отрешённостью. Вереск рядом нервно перебирал копытами.

4

Глоток тёплой воды из принесённого Альфом меха сейчас лёг в желудок как сытный обед, но перед глазами рябило — сюжеты мозаик в арке гистрионов смешались в одно грязное пятно. До осады, уверял Зевер, под стенами эклиссии Тевтоса актёры в драгоценных масках разыгрывали мистерии из Наказа. Но Фортис не застал Ганк-Васу мирным; многие уголки он помнил уже тихими, заброшенными и покрытыми слоем копоти.

Десятка Ирвина стекалась к проходу меж каменных скамей. Мужики бузели, то и дело поглядывая на Фортиса.

— Видали поутру? — переступил с ноги на ногу Белёсый Янус, кутаясь в плащ. — Башку Набиина на колесо вздели. Все о том говорят — знак!

— Брехня, а не знак, — процедил сквозь зубы сосед по ряду, не снимая ладони с древка копья. — Говорят, может, и не Набиин. Лицо его сигнами закололи, поди разбери теперь. Сколько наши землю носом рыли, а тут святой отец сам под топор сунулся?

— Я сам видал! — упрямо буркнул Янус. — Правост приказал в мешки все бошки побросать, кирянские и Феса с ними.

— Да хоть бы и так, — глухо подал голос щербатый из глубины прохода. — Жреца жалко, славно он читал Наказ, в лучшее верилось. Только нам-то теперь что?

Раз люд пошёл чесать языком, и всякий любопытный видел башку на колесе, прятать солдата под рясу мертвеца — провал. Хейн узнает о гибели жреца, едва вступит в город.

Сокол легата обгонит любого жеребца.

Десятник Ирвин зыркнул на людей, заставив их умолкнуть, и хмуро уставился на Фортиса, ожидая распоряжений.

А ведь и я не знаю, чем Зевер снарядит меня. Ладно, горе не беда. Осталось ещё трое.

Фортис вогнал костяную затычку в горлышко меха и объявил:

— Нужда у тана благородная, Ирвин. Ищи женщину не из рябых, виду приличного. И девчонок двух. Любых, лишь бы волос светлый. В дома не ломиться. Силой из подвалов никого не волочь. Сулите кормёжку. Всех, кого найдёте, тихо ведите сюда, под арку и показывайте мне.

Десятник кивнул и подал знак остальным. Солдаты двинулись к выходу, их шаги быстро затихли в тени пустых арок.

Альф переступил с ноги на ногу, принял опустевший мех и спрятал в суму.

— Для тебя дело особое, — Фортис понизил голос, увлекая мальчишку глубже под тень сводов арки. — Шныряй отдельно. Проверь могильники, канавы и ямы у восточной стены. Может, и найдешь чего, а коли нет, землю не рой — дуй к конюшням. Готовь двух коней и паёк собирай на пятерых.

Мальчишка тенью растворился в темноте арок. *Замотай Альфа в тряпки — вполне сошёл бы за дочь жреца. Одна беда: волосы чернее ночи, а киряне, коль усомнятся в женственности, могут и подол задрать.*

Фортис остался один, и в одиночестве дурнота взяла верх. Он опустился на лавку. Разум иссякал, и в пустую голову заползало нечто чужое. Такое случалось не раз: камень вокруг оживал. Огромные ламассу на фресках тронного зала провожали его взглядами. Мозаичные рыбы

и звери на полах шевелили плавниками в сухой пыли, а замершие у стен идолы святых менялись в лицах, будто хотели что-то сказать.

В ушах зазвенело, и бесполый голос грохнул прямо под черепом, выжигая остатки мыслей:

«СТАНЬ НА КОЛЕНИ.
ТЫ ДУМАЕШЬ, ТЫ ЧТО УХОДИШЬ, НО ТЫ ОСТАНЕШЬСЯ СО МНОЙ.
СПУСТИСЬ, Я ВНИЗУ.
НЕЛЮДСКАЯ НОША. МЯСО ТВОЁ ГНИЁТ, НЕ ДАЙ ЕМУ СГИНУТЬ.
СПУСТИСЬ КО МНЕ».

Глава 3. Дом мёртвых

1

Из забытья его выдернул захлёбывающийся детский плач. Хуже звука Фортис не знал, хотя за годы войны наслушался всякого. Он открыл глаза, обнаружив себя обмякшим на лавке, потным, и дико огляделся — не померещился ли плач, прямо как зверский давящий голос?

Или то зов из Ореба, предвестник скорой смерти?

Звон в ушах понемногу истончился в зудящую нитку и стих. Каменные рыбы на полу замерли, превратившись в мёртвую смальту. Меж скамей шествовал Ирвин, неся на сгибе локтя рыдающее дитя. За ним семенила встревоженная медитеррийка.

— Прошу! — твердила она, цепляясь за его плечо. — Хотя бы скажите, для чего она вам? Ну для чего!

— Для важного дела, — отрезал немногословный десятник, уводя плечо в сторону.

Худшие опасения тут же отразились на лице матери. Однако поеданием ближних в последние недели грешили больше горожане, чем солдаты гарнизона.

— Никто не будет есть вашу дочь, женщина, — Фортис поднялся со скамьи и шагнул к ним навстречу.

Он вынянчил столько братьев от мала до велика, что девочку взял на руки легко и умело. Кроха мгновенно затихла, а следом и её мать уставилась на Фортиса с робкой надеждой. Он порылся в загрудном кармане и вложил в детскую ладошку крупную сушёную фигу.

— Что вам угодно, красивый эрер? — вежливо поинтересовалась женщина и нелепо присела в поклоне.

— Я только посмотрю, годитесь ли вы для дела, — ответил Фортис.

Девчонка хоть и светла волосом, да больно тоща — одни косточки. И мать её, особенно после этого робкого поклона, сошла бы на заставе за жрицу Астарот, но вытянутый подбородок и застарелые оспины на щеках портили всё дело. Да и читать Наказ она явно не умела.

Подойдут, обе подойдут.

Вскоре под аркой гистрионов собралось около десятка притихших, взволнованных женщин. Солдаты тащили всех, до кого успели дотянуться. Женоподобного пацана, которого на всякий случай приволок Янус, Фортис развернул прямо с порога.

Прислонившись к пилону, Ирвин хмуро наблюдал за шушуканьем медитерриек. Испуганные женщины решили, будто сиргларцы отбирают первую красавицу в подарок Хейну Бескровному или самому королю Эспену.

Они теснились кучей, затравленно вглядываясь в лицо Фортиса и ловя каждое его движение.

Нассит из Тель-Илани говаривала, мол Фортисова смазливая морда выглядит почти святой, даже когда тот марается в чернейшей грязи. *«Это редкий талант»,*— уверяла она. Уходя из Тель-Илани, Фортис оставил ей свою трубку.

Надеюсь, она её хотя бы курит, как обещала,— мимоходом подумал он, разглядывая женщин.

— Пусти, Альф! Слышишь?

*Дно Ореба, я же говорил силой никого не волочь!*Фортис вытянул шею. У самого входа с низкой алебастровой аркой послышались крики и толкотня.

— Идем! Тебе туда. Ай! Дура! — под своды арки ввалился Альф. Он волок за собой, точно упрямого телёнка, светловолосую девчонку. Лицо его было расцарапано, а на ладони

зиял след от укуса. Девчонка упиралась изо всех сил, дико озираясь на сборище женщин и солдат.

Фортису хватило и взгляда, чтобы понять, почему Альф подставился под ногти. Подошла она лучше прочих: круглолицая, цвет волос — один в один как у Феса, сбитенькая — такую бы съели. Но главное, сквозь пыль и грязь на него смотрело непривычное в Ганк-Васу, но до ужаса знакомое северное лицо. Дайму Набиин знали в Кромдуне как сестру старого Нугвина, Ахонского Тана.

— Ты где её нашёл? — бросился Фортис к Альфу и девочке.

— У восточной стены, в могильниках рыскал, мастер Квенш, как вы и велели, — вытирая рукавом кровь со щеки, заговорил отрок. — Там яма со свежими мертвецами, гляжу — Гордон и Барбар тащат извёстку, я вперед них заглянул. А там она сидит и по карманам шарит.

— А царапины откуда? — хмуро покривил рот Ирвин, опираясь на копьё. — Скажешь, дитя тебя так отделало?

— Я её уговаривал сперва, а потом пришлось вытаскивать, — оправдался Альф, демонстрируя окровавленные пальцы со следами мелких зубов.

Маленькая зен стояла как каменная, только зыркала то на мозаику гистрионов, то на солдат, то на сапоги Фортиса. Открывать рот она не собиралась.

Фортис повернулся к десятнику, крепко удерживая упирающуюся девочку за плечо:

— Остальных женщин отпусти. Ирвин, мне нужно переговорить в тишине.

2

Фортис давно вырос и забыл, как соображают дети. Может, она обо всём догадалась, а может, просто пугалась чужих взглядов.

Со стороны она сошла бы за местную оборванку, но Фортис выкупил её породу по мелочам.

Дочери иеронов не стригли волосы до зрелости, и косы маленькой зен едва не волочились за ней жёлтыми змеями. Левая сандалия была примотана к стопе обрывком шёлкового покрывала. Подолы верхней юбки, несмотря на золотое шитьё, заворочены и увязаны как сумы. Из них выглядывали крысиные хвосты и лягушачьи лапы.

От волос молчаливой зен пахло ладаном и могильным душком. Подхватив девочку под мышки, Фортис оттащил её в тупик арки и устроил на каменном возвышении сцены. Одна из женщин, уходя, тревожно обернулась, но Ирвин быстро выставил всех вон.

— Богатый у тебя улов! — почти искренне восхитился Фортис, когда арка гистрионов обезлюдела. — Давно не видал я таких ловких зен!

Девочка ни звука не проронила. Он оставил бы это дитя в покое, если бы не знал наверняка — перед ним настоящая дочь Феса.

— Ты железный мастер? — наконец подала голос она.

— Что? Нет! Я не из этих, не бойся меня, — Фортис попытался улыбнуться, но под её тяжёлым взглядом губы сами сжались в нитку. — Меня зовут Фортис Квенш, человек тана Иллила.

— Неправда! Зачем тебе знать, кто я? Ты точно колесоголовый!

— Дитя, я не колесоголовый!

Заметив порыв девчонки, Фортис перехватил её руку, не давая сбежать. Дитя глянуло на него с пресной миной и отвернуло голову в сторону мозаик.

Нужно начинать с конца. Дети всегда на такое ведутся.

— Просто назови своё имя. Что ты делала в могильнике? Чьих ты будешь… — терял остатки терпения Фортис. — Назови мать и отца!

— Тевтос и Астарот, — не моргнув глазом, выкрутилась девчонка.

— Своих отца и мать, дурёха! Дитя, я знаю твою бабушку — зен Дайму Набиин. Мне велено отвезти тебя к ней.

Фортис присмотрелся: плечи её слегка приподнялись. Девочка перестала дышать. Кукла из холста и глины, висевшая на тесёмке у неё на поясе, качнулась.

— Я не убегу, пусти локоть, — тихо попросила она.

Не успел он разжать руку, девочка сиганула прочь, перебирая короткими ножками так быстро, как могла. Фортис в пару шагов нагнал её и прихватил за косичку. Маленькая зен скроила уморительную рожу, готовясь заплакать.

— Уж извини. Я до ночи перед тобой скакать не собираюсь. Быстро говори! Что делала в могильнике и где твои родители? — сердито спросил Фортис.

— Не бей меня! — протянула она плаксиво и дёрнула локтем. — Мое имя — Хелилу. Может, ты слыхал его где-то? — Она впервые уставилась на него с надеждой.

В голове у Фортиса оглушительно зашумела кровь. Глядя сквозь девчонку, он попытался справиться с наваждением и наугад бросил:

— Конечно слыхал! Его назвала мне твоя мать, Инсен Набиин.

— Что? Нет! Врёшь, мать не могла назвать его! — возмущённо вскочила девчонка и тут же насупилась, соображая, что проговорилась.

— Поздно! — Успех стоило закрепить. — Если рта не раскроешь, то и сладость отведать не сможешь.

Он порылся свободной рукой в загрудном кармане и выудил три фиги. Маленкая зен. следила за каждым его движением и придвинулась ближе.

— Все твои. Не урони… Ну, теперь говори, где прячется мать.

Пока дитя жевало, Фортис коротко объяснил, кто он такой — «свой, хороший». Она кивала, но стоило снова спросить про мать, как она лишь подозрительно косилась на него поверх липких пальцев.

Зря старался… по-хорошему она не понимает.

— Веди к матери! — зло хлопнул ладонью о плиты сцены Фортис. Хелилу вздрогнула и прокашлялась, будто фига встала ей поперёк горла.

— Я отведу тебя к ней. Но вот… — Девочка внимательно посмотрела на него. — Я разумела твой план. Она с тобой не пойдёт, а меня побьёт за то, что тебя привела.

— Я найду что сказать, — пообещал Фортис, поднимаясь и оправляя плащ. — Это не твоя забота. Не бойся.

Девочка кивнула и отозвалась эхом:

— А я не боюсь. Просто говорю тебе. Как бы самому худо не пришлось.

3

Сиргларцы собирали скарб и амуницию в дорогу. Десятники гоняли рядовых с мешками и тонконогими навьюченными лошадьми. Хелилу пугливо озиралась — гниющий в собственном соку Ганк-Васу внезапно пришёл в движение.

Она повела его прямиком к восточной стене.

— Пирамида, — трагическим шёпотом сообщила она. — Мать там.

По людской молве пирамида стояла здесь ещё до городских стен. Поздний шум из травяных завитушек, лун и плодов с остатками зелёной эмали скрывал неясные, истёртые знаки. Обезлюдевшие проулки окрест красноречиво говорили — местные здесь не селились. На памяти Фортиса, древнюю пирамиду пытались разобрать на строительный камень, но снять удалось лишь верхний ярус.

Он медлил на пороге, ноги противились. Свежих покойников Фортис не боялся — за три года войны перетаскал на своём горбу в братские ямы множество тел. Но сама мысль о

ссохшихся костях, веками лежащих под землёй в каменных ящиках, заставляла его потеть. В Кромдуне мёртвых зарывали в сырую землю, склепов там не водилось.

Ниши для факелов пустовали. Хелилу невозмутимо шагнула в темноту без огня.

— Стой! — окликнул её Фортис.

— Не хочешь идти? Передумал?

— Нужно взять огня.

— А мне огонь не нужен, — равнодушно отозвалась Хелилу. — Но если мы немного спустимся, найдём мамин тайник.

Фортис даже не нашёлся что ответить.

Крохотный огонёк фонаря затрепетал, освещая каменные блоки и бесконечную лестницу. Слабый затхлый ветерок предвещал огромные размеры нижней камеры. Мир здесь существовал только под ногами — торопливо собирался перед их шагом и разрушался в тот же момент, как свет миновал его.

— Тут недалеко, — успокоила его Хелилу, спускаясь в черноту и не дожидаясь фонаря.

Наконец ступени закончились. Огонь фонаря запылал ярко, но теперь уже и он не мог осветить целиком ветреный чертог, в котором они оказались. Потолок терялся над головой, покоясь на бесконечных рядах колонн. Рисунки и начертания на них стёрло время. Между колонн ровным строем тянулись каменные гробницы. Жрецы и древние короли Ганк-Васу покоились здесь, забытые всеми.

В далёкой темноте мерцал огонёк, курились благовония. Дымок освежал затхлый застоявшийся воздух запахом мирры и ладана. Маленькая зен направила Фортиса туда кивком, а сама пошла следом, прячась за его плащом и вцепившись пальцами в набитый добычей подол.

У огня сидели две женщины. Одна из них, толстая жрица с густыми каштановыми кудрями на прямой пробор, молча смотрела поверх курильницы, где в клубах дыма вырисовывались одной ей понятные образы. Молодая девушка торопливо протирала котелок и раскладывала ложки и ножи на расстеленном синем гиматии. Там же, в углу, громоздилась куча пожитков.

— Она идёт не одна, — услышал Фортис густой и гладкий голос жрицы.

— Да, сестрица привела мужчину, — тревожно вытянула шею девица. Она выглядела полной противоположностью грузной жрице — тонкая, светловолосая, как мраморная Майя на одной из местных гробниц.

Дайму Набиин удивлённо обернулась и уставилась на дочь:

— Как точно сказано.

— Мама, я вижу их! — вскочила девушка и ткнула пальцем в темноту. — Она сиргларца ведёт.

— Не бойся, Феса, — предостерегла её мать. — Держи нож наготове…

Напряжённые взгляды и щипавший глаза дым сопроводили Фортиса до места. Он поставил фонарь, а меч положил под ноги жрицы и сдержанно склонил голову, приветствуя зен Набиин с почестями — совсем не так, как вышло с Хелилу.

— Боги с тобой, жрица!

На лице Инсен Набиин не отразилось и тени приветственной улыбки, зен пыталась злым взглядом заглянуть ему за спину. Там, верно, пряталась Хелилу.

— Кто ты и зачем пришёл?

— Моё имя Фортис Квенш. Я человек великого тана. Мне велено проводить вас в безопасное место. Я отвезу вас в Кромдун, к вашей свекрови.

Зен сосредоточенно пожевала губы, задумалась.

— Слову сиргларца веры нет! — отрезала она. — Все вы лживы, как мой муж. Ступай, голубчик. Передай своему хозяину: мне выезжать потребы нет.

Фортису показалось, что благородная зен повредилась рассудком. Либо от подступающей тошноты дурел он сам.

— Зен Набиин, — не сдался Фортис. — Сам Черноголовый Эспен дозволил вам покинуть город. Из уважения к вашему сану.

— Эспен? — Инсен Набиин вскинула брови от удивления. — Эспен дозволил вывезти меня? Сестру самого Галь Иллила и моих дочерей?

— Видно, он не разобрался в тонкостях фамильного древа и видит в вас только жрицу.

— Эспен не разобрался? — она залилась хохотом. Дочери и Фортис молча смотрели, как трясутся её плечи. — Я не попадусь в такую глупую ловушку, сиргларец. Уходи, пока боги не прокляли тебя. Кто предал нас? — закричала Инсен, выпучив безумные глаза. — Эта шлюха Уна? Я прокляну её, сейчас же прокляну!

Жрица, не морщась, выдернула волосы у виска и начала вязать их узлами.

— Постойте, я сам уговорил Хелилу, — поспешил успокоить её Фортис, ища девчонку взглядом. Та кралась впотьмах к котлу, стараясь избегать пятна света.

— Я же говорила! — ощерилась Хелилу. — Теперь и мне попадёт. Я говорила ему, матушка! Говорила, чтоб убирался! Ты колесоголовый! Уходи отсюда!

Она села за спиной старшей, торопливо вываливая на синий гиматий добычу.

— Молодец, — подбодрила её сестра, погладив по коленке.

Ответ Хелилу пробормотала уже сквозь зубы, торопливо раскладывая крыс и лягушек.

— Дура! Хватит зваться этим именем! — взвилась мать. — Он подлец, и ты только накличешь беду. Отец тебе не поможет! Фес мёртв, и поделом ему!

— Нет, он жив! — лгунья не выдержала, подскочила на месте. — Я думала, что папочка его послал! У-у-у, — зарыдала она, развозя по лицу грязь. Феса утянула девочку в объятия.

Набииниха уставилась на Фортиса, темнея лицом.

— Иштар была послушна мне! Как ты её обдурил? Что посулил? Еду? Для твоей мордашки она ещё мала…

Фортис уловил момент, чтобы вновь гнуть своё:

— Сожалею, я видел голову его святейшества утром. Это горькая утрата. Я уверен, что его святейшество Набиин хотел, чтобы вы…

— Святейшество?! — Инсен грузно поднялась на ноги и пошла прямо на Фортиса.

— Матушка, о боги, стойте! — Феса вскочила, пытаясь встать между ними. — Матушка, проявите благоразумие!

Мать смела её и бросилась на Фортиса как кошка, стараясь вцепиться ногтями ему в лицо. Фортис увернулся от когтей и ухватил жрицу за мягкие запястья.

— Твой Фес! Твой святой отец — худший еретик, каких не видел Ореб! — захлёбываясь слюной, кричала ему в лицо жрица. — Он украл у бога, которому служил! Втянул невинное дитя! Отныне проклят род людской. Фес заслужил худшую из смертей.

Фортис разжал пальцы. Инсен дёрнулась вперед для нового удара, но упёрлась в спину старшей дочери, успевшей встать между ними.

— Матушка, прошу вас, выслушайте, — Феса говорила с ней как с безумной. Её лицо налилось кровью от усилий удержать мать на месте. — Вы вправе злиться на батюшку, но почему бы нам не уехать?

*Хотя бы одна не выжила из ума.*Фортис благодарно ей кивнул. Феса смутилась, отводя глаза и, поглаживая мать по плечу как бешеного быка, тихо добавила:

— Я вижу в этом знак Великой Матери… Нам дозволено уехать в Сирглар.

— И ты туда же, Феса? Всё ваша жидкая ахонская кровь, — уже куда спокойнее процедила мать. — Ваш дом здесь! А ты, — бросила она Фортису, — забирай свои лживые поклоны и проваливай!

Она скрестила руки на груди, давая понять, что разговор окончен. Хелилу-Иштар, притихшая, коротко икнула и тявкнула:

— Я говорила ему, матушка, но он не слушал! Проваливай, сиргларец!

Он подобрал оружие, выпрямился и рванул вверх кольцо фонаря.

Почести закончились. Он поймал взгляд Фесы Набиин и едва заметно кивнул на выход.

Хвала Тевтосу. Она нагнала его у подножия лестницы. В спину ей ещё летели материнские проклятия и обвинения в блуде.

— Пожалуйста, забери нас, — Феса ухватила его за перевязь меча, вынуждая повернуться. — Не слушай её. Раз Иштар доверилась тебе, то и я верю. Отец научил её видеть людей насквозь.

— Девчонка твоя только что отступилась от меня, — Фортис отвёл взгляд, глядя на крутые ступени, ведущие наверх. — Ты вольна идти сейчас. Бросай всё и ступай за мной.

Феса устало вздохнула.

— Без сестры я не уйду. Иштар дитя и мелет это от страха. Мать стращает её за любовь отца, — Феса обернулась, всматриваясь в сырой зев склепа. — Я попробую уговорить мать добром. А если не выйдет… Я просто оглушу её котелком и вытащу Иштар на себе.

В её голосе, похожем на птичье чириканье, не было сожаления.

— Так тому и быть, — подытожил Фортис, поднимая фонарь выше. — К сумеркам я пришлю брата, Хороса. Выходите к лестнице. Он вас встретит. Я, как закончу дела, приду к вам.

Мать снова взорвалась бранью. Феса кивнула и шагнула назад:

— Хорос? Как славно. Я буду ждать Хороса.

Глава 4. Две Сарры

1

Хвост очереди в булочную Доли вытянулся на улицу. Астер скромно притулился сзади. Стоящая перед ним старуха в полосатом платке в ответ на вопрос «отчего очередь?» поморщилась и сказала, мол, вместо Доли работают зятья.

— Через две улицы ещё булочная есть, — сочувственно заметила она, услышав тяжёлый вздох.

— Хозяин ест только хлеб старика Доли, — невозмутимо сообщил ей Астер, будто поход в другую лавку — измена. — Он говорит: если не с мамулем Доли, то будем пить пустой чай.

Очередь росла быстро, но ползла медленно.

— Ишь ты, — старуха окончательно развернулась к нему, не найдя среди толпы почтенных женщин для беседы. — Лицо у тебя знакомое.Чьих будешь?

— Звездочёта, — Астер гордо задрал нос и сразу продвинулся вперёд ещё на пару шагов. Охочая до сплетен людская змея зашевелилась.

— Правда, что старик твой за Шогу вступился? — раздался голос позади.

— Правда, — обернулся на голос Астер.

Вот только Шоге от этого легче не стало.

Новость ещё не успела приесться, а если кто-то умудрился её пропустить, тут же находились охотники, готовые со страшными глазами историю пересказать.

Медлительный зять, кое-как резавший и заворачивавший хлеб, замер, уперев кулачищи в прилавок.

— А что там стряслось-то? — пробасил он.

Очередь недовольно зароптала.

— Дурак он, сам виноват, — тут же с охотой поведал старческий голос, обладатель которого скрывался за несколькими спинами. — Выпрыгнул на дорогу и забрался в паланкин к самому Хаппе Са-Балу. И говном ему в лицо. На!

— Не ему в лицо, а сыну его, — поправил кто-то позади. — Ты не перевирай.

— Да не в лицо, а в монету с королём! — крикнул им Астер, сгорая от негодования.

— Негоже старших перебивать, звездочётов слуга, — предостерегла старуха в платке.

— Так я же своими глазами видел!

— Никакого удержу у молодёжи, — высказался кто-то сзади. — Всякое приличие позабыли.

Очередь и пекаревы зятья с наслаждением принялись перетирать историю на свой лад.

Да будь Шога при деньгах, кто бы его тронул? Будь у него родня, было бы кому по нём плакать.

Астер сам шёл за телегой хоронить дурачка в пустыню за Солончаком. Эклисс всю дорогу намекал хозяину, что церковные пожертвования — дело хоть и добровольное, а всё же богоугодное. *Без каратов даже жрец не споёт.*

Несмотря на участие и хлопоты, Федис все похороны стоял у могилы как равнодушный утёс, а после, забравшись в повозку, даже слезинки не пустил. Наблюдая, как песок пожирает тело, подле него терзался и слезливо моргал Астер, не имевший даже фамилии. Ему мерещилось надменное лицо Са-Балу. Следы кнута его раба ещё горели и чесались ночами.

Сложно представить, чтобы такая сытая рожа слыхала про жалость.

Как мне стать таким?

Коротая время, он раз десять подбросил монетку Саламандера, загадывая: *Ну, стану я как Са-Балу иль нет?* И медяк раз за разом падал ладьёй вверх, что значило «нет».

Наконец в его тряпицу завернули тёплый хлеб нун.

— Ещё чего надо? Быстрее, Астер, — поторопил зять Доли.

— Мамуль миндальный! Кулёк! — перекричал он галдящую очередь. — Только свежий давай.

— Только из печи, — с кислой миной поглядел на него зять, насыпал полный кулёк чёрствых пряников и сгрёб в кулачище медяки.

2

Заперев хлеба в кладовой, Астер не забыл стащить один мамуль себе и поспешил в Новый город. По словам хозяина, к началу второй стражи слер Чима Биведли будет поджидать его у мастерской плотника на Лодочной улице.

Солнце уже палило. Мухи и осы кружили вокруг сладких фруктов на прилавка. Хозяева курили благовония в безуспешных попытках их прогнать.

Хотя бы уточнил, у какой?— на Лодочной улице притаилось с десяток лодочных мастеров. Всякий тирриец имел в хозяйстве лёгкую раваю, а то и две. — *Чима, поди, хочет, чтоб я стоял и пялился полдня, хорошо ли его лодку конопатят.*

Неспроста фундаментом домам Нового города служили сваи. Чем ближе подходил Астер к Майран, тем выше поднимались на сваях дома. Пока Старый город возвышался на холме, Новый — с базарами и домишками бедняков — затапливало в сезон дождей, и сваи полностью скрывались под водой. В сезон засухи сваи тоже приносили пользу. В тени домов устраивались веранды и лавчонки с нехитрым домашним промыслом.

Астер нашёл слера Биведли в тени одной из веранд, злого как собака. Он покупал листья ката. Хозяин говорил: в таком настроении и нужно посещать кабинет банкира.

— Где ты ходишь? — лоснящееся лицо Чимы, похожее на глиняный шар, заходило ходуном от жевания ката.

Астер в ответ проворчал себе под нос, откуда у зятьёв Доли растут руки. В голове это звучало складнее.

— Что за недостойные речи? — отругал его Чима Биведли. — Ступай проследи за моей лодкой, раз господин сегодня во дворце. Скажи, чтоб смолы не жалели, следи пока работу не закончат.

— Я так в доме прибрать не успею, — Астер недовольно шмыгнул носом.

— Успеешь. Старик пошёл учить Сарру. Она надолго его задержит, — ответил Биведли.

Федис частенько брал Астера прислуживать на уроках. Маленькая принцесса корчила рожи и швырялась игрушками.

Уж лучше торчать с лодочным мастером.

— До заката он точно не вернётся. А после будет хлестать змеянку, — согласился Астер.

— Хорошо, что напомнил! — оживился Чима. — В его списках значилась змеянка. Клянусь Ха, он пьёт её вместо воды. Надо зайти к аптекарю.

Хозяин терпеть не мог баловства. Когда Астер играл с соседскими служками в кости или в карты, слер Одрин уже ставил на нём крест прожигателя жизни. Правда, сам вместе с Чимой и слером Адаксом мог весь вечер просиживать за игрой в патум.

Идущий впереди мужик ни с того ни с сего повалился на Биведли, и тут же другой, с бранью, обрушился на них обоих. Девушку поблизости толкнули, и она выплеснула на Астера кувшин молока. В потоке тиррийцев мелькнула красная чешуя, голоса стали громче, кого-то снова толкнули.

— Ты глянь… — крякнул Чима, помогая Астеру подняться. — Саламандры дорогу расчищают.

Замаравшийся Астер ощутил на себе острый взгляд палатина и невольно пригнулся.

— Саламандру увидел, в штаны навалил? — подколол Чима и сам же засмеялся.

— Вот ещё!

Если есть один, значит, рядом ещё десяток, и вышли они не на прогулку. Палатины теснили народ с улицы под сваи. Хозяева летних веранд гнали непрошеных гостей обратно на дорогу, из-за чего на обочинах создалась давка. Пытаясь выбраться из людского месива, низенький Биведли прокладывал путь локтями.

— Дорогу! — нарастал с другой стороны улицы громогласный рёв самого Саламандера. — Дорогу!

С Торжка вывернула кавалькада во главе с принцепсом на гнедом коне. То, что охранял первый из королевских псов и две дюжины его подчинённых, удалось понять не сразу. Стеснённые под сваями люди строили догадки.

Бок о бок с палатинами, как товарищи по оружию, ехали синекровые в плащах цвета морских волн, в доспехах, с гербами. Непривычные к жаре медитеррийцы вяло покачивались в сёдлах и с тревогой смотрели на злую толпу. Астер жадно всматривался в загорелые лица синекровых, ещё нёсшие на себе отпечаток войны.

— А почему они не закованы?! — полюбопытствовал он у Биведли. — И у них при себе мечи. Разве не положено отобрать у пленных мечи?

— Они не пленники, — осадил его эконом. — Приглядись же. Многие синекровые не противились нам и помогали выгнать сиргларцев. Говорят, государь их миловал.

— А с ними сама Сарамея Олферонская! — выкрикнул с порога хозяин дома, под чьи сваи всех стеснили. Толпа напрочь перекрыла ему выход. — Она прячется внутри!

Теперь Астер и Биведли увидели чёрную, закрытую повозку. Именно её с такой силой охраняли королевские псы. Зрители все как один желали заглянуть сквозь плотную ткань штор. Но ни щели, ни зазора в тяжелых складках не находилось.

— И это всё? — раздался разочарованный голос в толпе.

— О, обещали, что её проведут по улицам Тирры голой и в цепях, — жадно сказал мужик, стоящий рядом. — Где цепи?

Среди толпившихся вокруг мужчин прокатился одобрительный гул.

— А ну покажись, сиргларская подстилка!

— Почему же её не убили! — взвизгнула женщина, вытянув шею. Обращалась она будто к палатинам. — Говорили, что её убили!

Астер с Биведли переглянулись. Астер терпеть не мог казней, позора и всего подобного; даже если на расправу выводили гнусного подлеца, хотелось сбежать.

— Не слушай этих идиотов, — презрительно ткнул в него пальцем Биведли. — Уж её-то охраняют хлеще святыни. Не зря саламандры так нервничают.

— Зачем она им?

— Уж Эспен наш чреву королевскому пропасть не даст, — почесал жирный лысый подбородок Биведли. В тот момент он показался Астеру жутко умным.

Астер с подозрением смотрел на исполненные спокойствия лики палатинов. Только глаза их терзали толпу, выискивая угрозу.

— Как хорошо, значит, её не на смерть везут?

— Займись лучше моей лодкой, мальчишка. Там без нас разберутся.

— Ты мужа моего убила! — взвился над толпой истеричный женский крик. — Умри!

Может, показалось, но занавеска слегка шевельнулась — единственный знак того, что внутри есть кто-то живой.

— Что прячешься? Покажись!

Астер и сам помнил те жуткие слухи. На рынках шептались, как безжалостно она вылавливала и пытала кирянских моряков и велела сжечь деревню тана-перебежчика прямо вместе с крестьянами. Мастер Одрин, правда, говорил, что подобные слухи нужно делить на два. Но нет дыма без огня.

— Смерть Олферонке! Смерть дочери Тация! Убить! Казните её!

Узрев опасность в лице гневливых тиррийцев, Саламандер не обмолвился и словом с остальными. Он махнул рукой, и палатины — откуда ни возьмись, их число утроилось — смели разбушевавшихся горожан древками копий. Астер вместе с соседями повалился как костяшка домино. Биведли сдавленно крякнул и исчез в потоке людей, сметающих веранду. Земля стала скользкой и липкой от размазанных фруктов, и Астер упал. Сквозь лес чужих ног он видел, как чёрная повозка сворачивает, сея беспорядки и на соседней улице.

3

Невесомые подолы колыхались от быстрых шагов — королева Сурра спешила к бассейну, сжимая в руке письмо. Федис, почти задремавший в тени ветвистых платанов, поспешил подняться со скамьи, чтобы приветствовать госпожу.

— Прохладного дня тебе, слер Одрин, — третья жена Эспена хоть и выглядела серьёзной, увидев Федиса, благосклонно улыбнулась.

Она строго взглянула вдаль, к противоположному краю бассейна. Выложенный плитами голубого мрамора, он занимал добрую треть внутреннего двора обители королевы.

Там маленькая Сарра самозабвенно поучала рабыню, грозила ей пальчиком и дёргала за ремень. На принцессе было шёлковое платье, заколотое золотыми фибулами-саламандрами, а на её живой игрушке, медитеррийской девчонке, — только добротный дорогой поводок да повязка, прикрывающая срам. Рабыня послушно стояла на четвереньках. Двухметровая стражница с иссиня-чёрной кожей и львицей на панцире замерла поодаль, не спуская с детей тяжёлого взгляда.

— Дочь моя! Сарра! — позвала королева, и голос её дрогнул от волнения. — Федис, кто это с ней?

— Новая игрушка, — мрачно отозвался он.

— Без моего ведома? — Сурра перевела взгляд с дочери на Федиса. — Ты удивил меня. Не ты ли презираешь рабство?

— Здесь я бессилен, — отозвался Федис. — Это подарок отца. Дама Ровейны, эта локанка Майяра, пришла и лично вложила поводок Сарре в руки.

— Значит, это и есть сюрприз из письма, — Сурра озабоченно склонила голову набок. —Вдруг рабыня научена убивать?

— Спина у неё чиста, железных письмен нет. К тому же с ними Яса.

— Даже Яса не всесильна, — Сурра устало опустилась на скамью, украшенную слоновой костью и лазурью.

Она нервно обмахивалась письмом точно веером, но взгляд её оставался прикован к Сарре.

— Я знаю Эспена. Его милость не доведёт до добра. Семь лет не замечал дочь, а теперь выгоду в ней нашел.

Вспомнив об истинном назначении бумаги в руке, королева протянула её Федису:

— Прочти.

— Могу ли я прочесть столь сокровное послание?

— Формальность на формальности, — Сурра раздражённо тронула виски. — Умоляю, прочти.

Федис углубился в чтение. Письмо, написанное почерком королевского керикса Олерия, полнилось изящными фразами, обещаниями и пожеланиями здоровья. Король не спал с третьей женой с самого рождения Сарры, поселил обеих в дальнем конце дворца.

«…Любезная моя. Давеча встречался с Хайками в пригороде Олферона. Мы говорили о перемирии и о многом, что утомит твоё внимание. Но тебе стоит знать — мы договорились о браке Сарры с Мартином Хайком. Мы сговорились перед богами, но даже если Сирглар передумает, иного выхода у него нет».

Беспокойство королевы передалось ему.

— Кто же надоумил его на такое? Незнакомые места и люди сильно повредят её здоровью. Сарра больна, ей нужен покой.

— Сарра — Пандомей. Таков долг принцессы перед короной, — вздохнула Сурра. — А если в интересах короны рожать Хайкам падучих сыновей, отец не оставит Сарру сидеть без дела.

Тем временем Яса заметила прибавление по ту сторону бассейна. Ловко омыв лицо принцессы широкой ладонью, похожей на весло галеры, стражница повела Сарру поклониться матери. Выпускать поводок рабыни девочка не собиралась.

— Псина! Рядом! — звонко приказала Сарра.

Маленькая медитеррийка, ссутулившись, брела следом.

— Не так! — Сарра остановилась и хлестнула её ремнём по голове. — Собаки так не ходят.

Девочка послушно опустилась на четвереньки и поползла.

— Добрый день, матушка, — Сарра подбежала к скамье и привычным жестом припала к руке королевы, едва клюнув её носом.

— Здравствуй, милая. Как прошли сегодня твои занятия?

— Мы учили буквы, — Сарра, задрав подбородок, принялась перечислять: — Аста, Бофа, Гора, Дилла и Хон…

Сурра смотрела на неё не отрываясь. Федис тоже помнил их разговор трёхлетней давности, когда мать ещё не надеялась, что её дитя вообще заговорит, а не останется мычать до конца дней.

— Это прекрасно, — тихо обронила королева.

— Скоро мы станем учить наизусть труды Гласиоса Зрящего и историю Эпе, — заметил Федис, вполне довольный своей питомицей.

— Мама, — Сарра дёрнула за ремень поводка. — Да ты погляди! Отец подарил мне псину.

Взгляд Сурры потух, опустившись к мраморным плитам.

— Почему же Псина, милая? Ты ведь знаешь, чем отличается девочка от собаки?

От большинства животных Сарру берегли. Хотя ручные обезьянки матери сами обходили её стороной.

— Братец Алим сказал, что все медитеррийцы — собаки.

Федис нахмурился:

— Ох, этот вздорный Алим.

— Так, может, рабыне ходить по-человечески? — мягко предложила королева.

— Она моя собака! — мгновенно пришла в ярость Сарра. — Значит, будет ходить по-собачьи!

К резким переменам в её настроении невозможно было привыкнуть. А уж учить, зная, что стоит только не угодить — и у неё пена изо рта пойдет, того хуже.

— Мать слишком любит тебя, чтобы дать затрещину, — запоздало упрекнул Сарру Федис и всё же заставил извиниться.

Яса поглядела на неё с явным сожалением, что принцессу нельзя воспитывать подзатыльниками.

— Ваше величество, я прослежу, чтобы эти игры длились недолго, — прогромыхала стражница.

Сарра, похоже, восприняла это как вызов.

За зарождающейся ссорой следила пара любопытных глаз — слуга Ровейны стоял в арке у входа и мялся, не решаясь ступить на двор.

— Чего тебе надобно? — крикнул ему Федис, когда заметил его.

Нечасто здесь увидишь таких гостей. Слуг Ровейны Сурра не жаловала, а за сегодняшний день их явилось уже двое.

— Послание от её величества… — медлил слуга.

— Так говори же! — строго прикрикнул на него Федис.

Мальчишка опасливо поклонился королеве Сурре и сообщил, что старшая королева просит присоединиться к ней в гостиной.

— В какой гостиной? Что ей нужно? — нахмурилась Сурра.

— В гостиной с выходом в сад с вашими обезьянами.

— Большими или маленькими?

— Пожалуй, маленькими, — прикинул слуга. — Приехал ваш...

4

— Батюшка! — удивлённая Сурра протянула руки к загорелому медитеррийцу в плаще цвета морских волн. — Как я рада видеть вас!

Бодрый старик с пышными седыми усами — тан Менахем Арахон — приподнялся на подушках, чтобы расцеловать дочь.

— Мастер Одрин! Я рад, что моя дочь проводит досуг в столь почтенной компании, — воскликнул он, пыхтя от жары.

Федис пожал ему руку. Тесть короля представил новоприбывших медитеррийцев, сидевших с ним на диване. Первый гость едва вошёл в средний возраст, а второй уже приближался к его исходу. На плащах у обоих красовались груши рода Иллилов, только в разных вариациях. Федис сразу узнал эти знаки — господа сии переметнулись к победителю, бросив Ганк-Васу в осаде.

— Шерд, тан Болотной Чаши, — представил он того, что постарше, западного эрера, обликом напоминавшего заостренную палку. На гаукового цвета плаще блистала шитая золотом чаша с зелёной грушей. — А с ним тан Ратовой Топи, Айри Арат, — сказал он о молодом человеке с выбритым подбородком, чей герб — три чёрные груши на жёлтом щите. — Господа сии присягнули некогда бедолаге Иллилу, однако вовремя помогли нам в олферонских делах, — перешел на шёпот старик. — Потому заслужили самый тёплый прием…

— Славно… — послышался голос королевы Ровейны, упитанной и широкобедрой как кобрита дамы, сидевшей в кресле, застеленном тигровой шкурой.

Пока слуга веером раздувал в курительном наргиле раскрасневшиеся угли, она хмуро глядела на весёлую встречу отца и дочери.

— Тан Арахон. Теперь расскажите новоприбывшим то, что говорили мне.

Федис давно подметил, что Ровейна перестала принимать гостей в тронном зале — трон Кира был ей не по зубам. Сперва она восседала на нём как на иглах, а после и вовсе предпочитала неформальные встречи. Тем более королева давно разучилась думать вынув изо рта мундштук наргиля.

Нисколько не смутившись её тоном, Арахон поспешно согласился.

Сурра устроилась подле своей «сестрицы» в кресле из чёрного дерева с мордами пантер на подлокотниках. Федиса слуги сочли немощным и притащили специально для него глубокое сиденье. Ровейна этому едва заметно усмехнулась. Несколько рабов обмахивали господ так, что волосы едва заметно колыхались.

К гостиной примыкал маленький сад. Спасаясь от зноя, оттуда забегали ухоженные маленькие обезьянки. Ровейна распорядилась принести для уставших с дороги гостей мяса, фруктов, сорбета,и самые наглые обезьяны начали подбираться ближе к людям.

— Поездка выдалась не из приятных, дочь моя, — Арахон вытер лысину надушенным платком. — Штаб его величества составил хорошую карту, но на нас нападали.

— Сиргларцы? — встревожилась Сурра. — Мы все волновались за вас, батюшка.

— Кто же ещё! Как яростно сиргларцы защищали девчонку, когда она принадлежала им, так же яростно пытались её убить, когда она досталась нам. Я, признаться, занервничал, когда десятка наших палатинов полегла. Сейчас чувствую себя так, будто выиграл собачьи бега.

— Слишком много хвастовства для таких потерь, «батюшка», — холодно оборвала его Ровейна.

— Так она здесь? Во дворце? — спросила Сурра.

— Как медленно до тебя доходят новости, сестра, — ухмыльнулась Ровейна. — Последний рыбак уже бежит в трактир обсудить это. До твоего угла, сестрица, известия всегда идут долго.

— Тебе, разумеется, ведомо куда бежит последний рыбак, сестрица, — не упустила возможности уколоть Сурра. — До нашего тихого угла новости долго идут. Родос тоже приехал с вами?

Ровейна только крепче вцепилась зубами в костяной мундштук.

— Родос переменил решение, — сказала она, выпустив клубы дыма. — Он поедет с отцом на взятие Ганк-Васу. Уверена, легат Ракий уговорил его искать смерти в этом проклятом городе.

Тан Арахон ободряюще рассмеялся.

— Ваше величество, Родос здоров как три быка. Возмужал и поумнел. Я видел его и беседовал перед отъездом. Вы будете горды сыном. Он командовал трибой в битве за Олферон. А про то, как он снёс голову самому Стефану Хаику, говорят уже в Сиргларе.

— Я не сомневаюсь, что он умело и храбро бьётся, — Ровейна помрачнела ещё сильнее. — Но в Ганк-Васу каждая вторая собака разукрашена позорными стигмами, а каждая первая больна бешенством. Мускулы и ловкость ничего не стоят перед болезнью. Надеюсь, когда он виделся со своей невестой, ничего не брал из её рук и не прикасался к еде?

— О, не беспокойтесь. Они ещё не виделись лично. Только издали.

— Издали?

— Сейчас не лучшее время для любовных встреч. В таких условиях лучше жениху с невестой знакомиться прямо на свадьбе, — важно нахмурил брови седой Кол Шерд.

— Мы можем увидеть её? — подал голос Федис. Надеюсь, вы не поместили невесту нашего славного Родоса в темницу?

— Саламандер передал, что она заперта в чертогах безумной королевы Гамелы, — ответил Айри Арат. — Там чугунные решётки, она не сможет выйти.

— А как же уход из жизни? — Федис пристально посмотрел на молодого тана.

— Об этом мы тоже позаботились, — невозмутимо отчеканил Арат.

— А она пыталась? Бедняжка, — сочувственно проговорила Сурра.

— Пыталась вскрыть вены шпилькой, когда ей налили ванну, ваше величество. О большем мне не докладывали, — ответил Арат.

Ровейна покосилась на Сурру и одними губами зло прошипела:

«Жалеешь землячку, сухая ветка?»

Сурра так же беззвучно осадила её в ответ:

«Ты жалеешь только свой толстый зад».

Уже громче Ровейна объявила:

— Она будет Родосу женой. Так задумал великий Эспен. Но в миг отчаяния она может Родосу навредить. В таком телесном деле… как брак, даже охрана может не успеть.

— Побойтесь богов, ваше величество! Какого мужа охраняют от жены? — возразил тан Арахон, отломив кусок от фрукта уру и прикормив обезьянку. — Сарамея — понятливая девушка. Я много говорил с ней. В её возрасте ум гибкий. Она привыкнет к новому дому быстрее, чем вы можете себе представить. Нужно просто немножко подурить ей голову и не отказывать в девичьих прихотях.

Он показал на обезьянку, устроившуюся на его плече. Первый кусочек она приняла из его рук пугливо, а за вторым потянулась сама:

— Примерно так.

— Но если ваша Сарамея всё же умнее обезьяны? — не унималась Ровейна. — Она сможет нам навредить?

— В таком случае всегда можно показать ей нашу силу, — Арахон шуганул обезьянку рукой. — Но повторюсь, без сиргларских советников она не опасна.

Тут Шерд и Арат переглянулись.

— Если вы позволите, ваше величество, — заговорил Шерд. — Проблема, увы, в другом. Защищать нужно её, а не от неё. Ваш народ настолько озлобился, что готов её растерзать. А ведь Сарамея не творила и доли тех зверств, о которых говорят.

— Так, значит, её оклеветали? — взметнула на отца взгляд Сурра.

— Война есть война, дочь моя, — Арахон даже не думал оправдываться. — Враг должен иметь образ врага, а не хорошенькой девчушки. Государю служат и те, кто хорош в управлении толпой.

— Мне известно, с какими целями посеяли эти слухи, — ответила Ровейна, вернув мундштук на подставку наргиля. — Но наши цели изменились. Эспен доверил мне проверить, как город примет её. И приём холодный. Чудовище с такой репутацией не может рожать королю внуков.

Она обвела присутствующих тяжёлым взглядом:

— Но коль она падёт на колени, прилюдно покается, принесёт жертвы и раздаст милостыню... Толпа это оценит.

— Тебе бы только заставлять кого-то ползать на коленях, сестрица, — осадила её Сурра.

— Ваше величество, — заговорил тан Арахон. На его плечи запрыгнули сразу две обезьянки. — Сарамея уже сделала главное: подписала передачу земель Киру и отреклась от престола. Даже Ганк-Васу, узнав об этом, прекратил сопротивление. Глупышке следовало стелить знамёна, едва почил отец её, затеявший войну.

— Подайте её красивой дурочкой, — подал голос Кол Шерд, почёсывая седой подбородок. — Сама она безвольная особа без выдающихся способностей. Но королевскую стать у неё не отнять.

Такой ответ немного успокоил Ровейну.

— Это не сработает, — невозмутимо возразил Федис из глубины кресла.

Ровейна с ненавистью посмотрела на него, но он продолжал:

— Подумайте о будущем, ваше величество. Когда она родит Родосу детей, о них пойдет дурная слава матери, если они дадут слабину.

Наступившую тишину нарушало только ленивое пощёлкивание опахал.

— Я занимаюсь звёздами, ваше величество, — послушно склонил голову Федис, даже не пытаясь перечить. — Политика — не моя стезя.

— С годами ты совсем сдал, но интриги плести ещё не разучился, — на удивление спокойно отозвалась Ровейна. — Излагай.

— Чернь обожает любовные истории. Раз Таций почил уже во время войны, то Сарамея выглядит скорее как невольная заложница. Скажете, наш пригожий Родос отрубил голову Стефану Хаику? И лжи здесь нет, он и впрямь её отрубил. Конечно, разрушенный до основания Олферон это полностью не объяснит. Но наш народ такое любит.

— Да-да, это в точности как в «Похищении Киллы», — оживилась Сурра. — Тираны тоже заперли деву Киллу в её же дворце после смерти отца-царя и правили от её имени. Певцы перелицуют старые стихи на новый лад и пустят по трактирам.

Федис хмыкнул. *Слыхал я похабные куплеты из сей поэмы от студентов. Но, помилуйте, как Сурра добралась до неё?*

— К тому же большинство олферонских рабов, которые могли бы сболтнуть лишнее, уже принял мой брат в Локе, — подытожила Ровейна. — Из-за моря слухи не возвращаются.

Старшая королева вернула наргиль в рот и запыхтела. Федис послушно опустил голову, пряча взгляд.

Думала ли ты, какую песню сочинят сиргларцы, чтобы объяснить падучую твоей дочери, Сурра?

Глава 5. Иштар идет на свет

1

Среди бесконечных рядов гробниц теплились алые угли.

После ухода сиргларца мать заставила Иштар и Фесу замаливать грех непослушания. Чтобы Иштар винилась сильнее, ей было велено петь тридцать куплетов гимна Великой Матери у большого камня, служившего самодельным алтарём.

Иштар привыкла молиться: вставать, проговаривая вслух строки Родительского Наказа, есть и ложиться спать с ними же. В смысл она не вникала — хватит и того, что родители с Фесой молились рядом. Но молитв оказалось мало, чтобы отогнать черноголовых от стен Ганк-Васу, вернуть голову на плечи отцу и упросить богов наполнить пустые кладовые.

Матерь, ты всё видишь и владычествуешь над нами,

Будь то земля или вода, ты всё порождаешь,

Много имён у тебя, великая наша царица,

Обрати на своих дочерей сияющий ласковый лик.

Осталось ещё двадцать куплетов. Феса помогала, отбивая ладонями ритм, но стоило ей подсказать хоть словечко, как обе получали от матери.

— Удумали! — приговаривала она. — Одна сиргларца привела, другая ему поддакивала. Истовая молитва и кормит, и греет. Старайся, Иштар.

Врёшь! Тебя злит, что я посмела назваться железным именем,— мысленно отвечала она.

На службах мать частенько танцевала, рычала и бесновалась перед идолами, а сразу после — деловито курила трубку и раздавала указания слугам.

Когда молитва закончилась, Иштар едва держалась на ногах. Она опустилась на покрывало, прижавшись спиной к холодному камню стены, и протянула ноги к жаровне. Ей чудилось, что дым, восходящий от курильницы, принимал очертания зверей, лиц и скачущих по кругу коней.

— Ты виделась с Уной, милая? — раздался в темноте голос матери. — Исполнила ли?..

Иштар осторожно подняла голову, гадая, прощена ли она.

— Да, исполнила.

Мама успокоилась и даже улыбнулась ей.

— Тогда дай мне *его*. Из-за клятого сиргларца я чуть не позабыла о самом главном.

Иштар поспешно порылась в подолах и достала маленький пузырёк из жёлтого стекла.

— А что в нём? — спросила Иштар. Как я ни упрашивала, Уна мне не сказала.

— Детям это знать ни к чему.

— Это яд, да?

— Волшебное зелье, моя дорогая, — насмешливо отозвалась мать. — Не думай о нём много, иначе морщины появятся, как у Фесы.

Сестра, морща лоб, пыталась скрутить в пучок тяжёлые, немытые волосы. Она не могла усидеть на месте — расхаживала по кругу, как балаганная лошадь.

Иштар сразу поняла, кто стал причиной томления сестрицы. Феса всегда была проста, как табуретка. Тщательно уложив волосы, сестра попыталась усадить за причёску и Иштар, ворча, что её косами будто улицы мели.

— Матушка, а что будет, если сиргларец вернётся? — поинтересовалась Иштар, уворачиваясь от гребня. — Мы снова его прогоним?

Она покосилась на Фесу. Если сестра открыто встанет на сторону чужака, мать ей задаст.

Мама улыбнулась уголком рта, но не глазами:

— Пирамида большая, пусть рыщет. Если вообще осмелится спуститься.

Феса за пятнадцать лет так и не сказала ни слова поперёк матери. Возражать она не умела. Иштар жадно ждала от неё хоть капли упрямства, хоть чего-то, что шло бы наперекор матери.

— Матушка, — Феса расправила складки на юбке. — А может…

— Нет.

Иштар подавила смешок. *Фига, которую подсунул сиргларец, сладка, но маме виднее. Глупая Феса.*

— Уже влюбилась? — едко бросила Иштар. — Ты едва с ним говорила. Ты что, совсем дура?

— Замолчи! Маленьким зен не к лицу так выражаться! — покраснела сестра.

— С чего ты вообще взяла, что ему можно верить?

Феса задумалась и снова принялась мерить шагами залу, заламывая пальцы.

— Я видела его при сенешале. Он часто бывал в эклиссии. Все старики и дети здороваются с ним.

— Так может, они здоровались с сено… сеношелем? — зубоскалила Иштар.

— Сенешалем! Нет, этот эрер всем мил! — заупрямилась Феса, и в её голоске звякнула непривычная решимость. — У него глаза порядочного человека. Матушка может всё-таки…

— Нет, — оборвала её мать. — Ты останешься здесь. Мы будем вместе.

Феса беспомощно опустила руки.

Иштар злорадно ухмыльнулась и негромко запела:

— Тупая Феска влюбилась в сиргларца, хочет жить в лесу! Она будет есть медвежьи говяжки на завтрак, причёсываться рыбными костями… и… и…

Она собиралась сложить целую поэму и изводить сестру годами.

— Ты сама показала ему дорогу сюда! — оборвала её Феса. — Ты тоже хочешь сбежать.

Иштар умолкла и поджала губу.

— Вот и не хочу. Он меня обманул. А ты дура, и все, даже слуги, так считают.

— Ах ты! — Феса потянулась к ней, но Иштар увернулась.

Обычно няня Уна накручивала уши маленькой госпоже за такие песенки, но нынче никому до них дела не было.

— Ах! Ох! — Иштар передразнила сестрицу, закатив глаза, и отошла к жаровне, поближе к матери.

Матушка не отрываясь разглядывала пузатую склянку. Она встряхивала её, приглядывалась, сквозь зубы полоща Уну и называя её то богомерзкой потаскухой, то еретичкой.

Иштар оставила сестру в покое и прижалась лбом к холодному, влажному камню стены. Она принялась рассматривать единственную игрушку — Королевну, которая, как висельник, болталась на тесьме. Иштар покрутила её в руках, заставив сделать несколько шагов по выступу.

Тупая Феса. Ненавижу их, ненавижу пирамиду. Хочу домой.

Она с отвращением бросила куклу и закрыла глаза, пытаясь укрыться в последнем убежище. *Пусть Уна поет мне в детской. Нет, лучше отец. Отец смотрит на меня и катает на руках. Он пахнет ладаном, у него самый мягкий и тёплый живот.*

— Ты в последнее время часто сидишь в этом углу, — нарушила тишину Феса. — Что ты там делаешь?

— Ничем! — огрызнулась Иштар и открыла глаза.

2

Тьме подземелья неведомо время. Отголоски суматохи сиргларцев слышались теперь и в холодном склепе. Иштар почуяла, как в пропитанном миррой ветерке зазвенела тревога.

Вечер наступил.

Несмотря на грустные взгляды Фесы, мать велела собирать вещи и увела их вглубь пирамиды.

— Потерпите, девочки, — проворковала она. — Скоро всё закончится.

Да, пусть всё скорей закончится. Неважно как, но закончится.

Мать не раз предупреждала готовиться к смерти. С красноречием жрицы вбивала Иштар — как хорошо и спокойно в Небесных чертогах. Матерь Астарот непременно заберёт её к себе — нужно только чуть больше стараться с гимнами.

В голове Иштар всё звенело и разрывалось от мыслей.

Ужель мертвецы с улиц там? Пока тела их гниют здесь… Моё тело тоже? Или это неважно?

Она старалась не смотреть на мамино лицо. По нему она понимала: мать лжёт, боги давно не говорят с ней.

Феса накрыла Иштар гиматием, забралась к ней и прижала к себе. Сестра дрожала. Вечерами в склепе сильно холодало. Немудрено: здесь мёртвые — хозяева, а живые — гости.

— Иштар, — лицо мамы казалось всё страшнее. — Сбегай наверх, погляди, что делают сиргларцы. Тихо, мышкой. Поняла?

Иштар настолько привыкла к темноте, что даже вечернее солнце заставило её щуриться. Она прокралась из пирамиды чумазая и незаметная.

Сотни сиргларцев собрались на улице. Иногда били в обтянутые кожей и железом деревянные щиты, расписанные гарпиями. Но воины, даже рыжебородые, совсем не походили на пригожего сиргларца. Они ступали тяжёлыми шагами, вгоняя камни мостовых древнего города всё глубже в землю.

Скорее приходи, пожалуйста.

Мама наставляла, что сиргларцы бесчестны и немыты, а их гобелены и фрески похожи на детские каракули. А отец их, хоть и сиргларец, отрёкся от своего народа. В их стране нет храмов и статуй — только леса и горы, которые облизывает ледяной ветер. Однажды Иштар видела кострище, изуродовавшее искусную мозаику в главном зале квестерона: там ещё до голода сиргларцы жарили туши кабанов.

С их приходом город посерел и омертвел. И всё потому, что они не хотели сдаваться. Они хотели есть крыс и друг друга, но не отдавать черноголовым Ганк-Васу.

А теперь сиргларцы уходят. Иштар снова пугали и твердили одно и то же про честь и про благородную для зен смерть, напоминали, что имели когда-то всё, но это всё отняли.

Более всего стращала мать воинами Хейна, которые схватят и снимут с неё кожу с нечестивыми сигнами.

Хоть отец и нарёк Фесу от своего имени, именно Иштар он избрал для своего великого дела.

А теперь он умер.

3

Иштар вернулась вглубь пирамиды. Суматоха сиргларцев наверху смолкла, но в лабиринте звенел знакомый голос. Немыслимо слышать его злым.

Мать и Феса стояли, вцепившись друг в друга как две разъярённые кошки. Феса, выше на полголовы, держала мать за грудки. Они опять обсуждали отъезд, но на сей раз почти дрались.

Иштар старалась ступать бесшумно. Мать с сестрой не заметили ни её силуэта, ни тусклой лампы и продолжали бороться.

Ушам не верю! Феса дерзит матери!

Схватка длилась недолго. Едва они заметили Иштар, прекратили ссору. Иштар проговорила угасшим голосом, пока живот вновь урчал от голода:

— Красивого эрера не видно, он и правда ушёл.

— Славно, — мать радостно оскалилась. — Значит, боги дали нам время достойно уйти.

Сестра подбежала к Иштар и схватила её за руку.

— Иштар, послушай меня, — сбивчиво затараторила она, на ходу заворачиваясь в гиматий. — Я уеду с сиргларцем. И… забираю тебя! — Феса склонилась к ней, стараясь по глазам угадать её волю. — Добром это не кончится.

Страшный голос матери прозвучал за её спиной:

— Если ты уедешь, я прокляну тебя! И всех выблядков, порождённых тобой.

Мама! Как она могла говорить такое?! Как могла Феса быть такой?! Что же мне делать?

Иштар вырвалась из рук Фесы и уткнулась в подол матери. Мягкая, прохладная рука тут же легла на затылок.

— Вот так… Правильно… Кто тебя защитит? — проворковала мать сладко. — Как же маленький котёнок проживёт без мамы?

Голос её стал едва узнаваем, когда она взглянула на Фесу:

— Пусть идёт, драная кошка. Она пожалеет! А мы с тобой будем вместе.

— Нет! Это не наша мама! — послышался нежный, но непривычно злой голосок Фесы. Она выдернула Иштар из объятий матери. — Мать хочет, чтобы все мы покончили с собой! Она отослала тебя, чтобы обмазать ядом груши. А ещё смеет стращать нас сиргларцами!

— Ты как дитя, проклятая девчонка! Смерть смерти рознь! Хочешь сдохнуть в канаве без чести и похорон? Иди! Только отступишь ты от моей воли, защита богов тебя оставит!

Мягкая рука матери спустилась Иштар на плечо.

Груши? Неужели сейчас? Зачем сейчас?

Она закрыла глаза, слушая гул быстрых шагов и шорох платья Фесы. Они остались наедине, в холоде и тишине. Хотелось убежать, но мягкие мамины пальцы впились в плечи, удерживая Иштар на месте.

— Она вернётся, — проговорила мать. — Она хорошая девочка, но совсем не вовремя вошла в возраст. Будь тот солдат менее пригожим, она бы и слова поперёк не сказала.

Иштар заметила, что взяла Феса самый прогоревший факел. *Хватит ли ей огня? Она же не видит в темноте…* В бесконечном лабиринте гробниц она запросто могла заблудиться или наткнуться на крысу размером с лошадь, или змею размером со слона — или другую тварь, что частенько воображала Иштар.

Мать как ни в чём не бывало принялась устраиваться у огня. Растерянный вид Иштар её позабавил.

— Ты тоже хорошая девочка, тоже симпатичная. Твоей сестре придётся несладко! Но, я уверена, Феса вернётся. Увидит нас вместе, и сама поймёт, что поступила неправильно, — добреньким голосом увещевала мать.

Иштар стояла перед ней с каменным лицом и едва дышала. Очередные сказки о загробной жизни больше её не трогали.

— Знаешь, милая, я хотела сделать это позже, но, похоже, сейчас самое время.

Мама покачала головой и достала из складок своего платья груши — ровные, почти глянцевые, невероятно аппетитные. Руки, которые их держали, почему-то дрожали.

Иштар не раздумывая потянулась к подарку. Она сделала это прежде, чем осознала, что готова на всё, лишь бы откусить хотя бы кусочек.

— Мама! — она сглотнула слюну. — Где ты раздобыла их?!

— Дар от друзей нашей семьи. Последние груши из сада твоего деда, — последовал ответ. — Для тебя, меня и неблагодарной Фесы. Вместе. Ам…

Иштар решительно впилась в грушу зубами одновременно с матерью, но сок обжёг язык невозможной горечью. Иштар передёрнуло, и всё, что успела взять в рот, она тут же выплюнула.

— Не плюйся. Кусай, жуй, глотай! — прикрикнула на неё мать. — Что за бесчестье!

Притихшая Иштар вытерла сок с подбородка.

— Я умру, да? — прошептала она сквозь слёзы и попятилась.

— Иштар… — послышался хриплый голос матери, уже вкусившей яда. — Не думай, просто делай, как я велю тебе! Неужели ты тоже ослушаешься меня?

Иштар замотала головой и с отвращением бросила «подарок»: отравленная груша покатилась в темноту.

— Пока я жива, ешь! Иштар, ешь! — багровела мать. Она схватила её за шиворот и ткнула носом в пол, приказав искать.

Иштар ползала на коленях, делая вид, что ищет, но не могла нащупать ничего, кроме замшелого камня. От слёз всё плыло и кривилось перед глазами, даже мамин облик. Та нависла над ней, тяжело дыша. Она натужно прохрипела:

— Плевать на Фесу! Ешь ты. Ты просто не знаешь, что случится с тобой. Ты чистый ребёнок, и я даю тебе шанс остаться такой. Ешь! Ты просто заснёшь сладким сном в объятиях мамы… Сиргларцы, киряне — всё одно.

Иштар больше не узнавала мать. Получив грушу Фесы, она швырнула её в дальний угол.

С зарёванным красным лицом Иштар вскочила, но та, кого она звала матерью, вцепилась в ногу и повалила обратно на пол. В руке матери блеснул обеденный нож. Иштар завизжала.

— Я прошу тебя! Подчинись! Я положу тебя в гробницу, помолюсь за тебя и только потом умру сама, потому что я твоя мать… Иштар… как я могу оставить тебя...

Это были последние слова матери. Она уронила нож и упала. Как и обещала: без мучений, как сон. Только глаза остались открыты, и сердце не билось.

Иштар спряталась за ближайшую гробницу и замерла. Слившись с камнем, просидев, как ей казалось, вечность с подскакивающей от ужаса челюстью, она выглянула. Мать не сдвинулась с места.

— Ма… Нет! Очнись! Пожалуйста!

Она захлёбывалась слезами, трясла её за плечи. Грудь заходила ходуном от рыданий. Иштар зажала себе рот рукой и укусила себя за пальцы.

Люди с синими от яда губами и застывшим взглядом никогда больше не моргнут.

Не со мной! Это не я! Это всё не со мной!

Иштар схватила покрывало и понеслась прочь. Дыхание и стук сердца оглушительно били в уши, в голову, в пятки. Она металась по залам в поисках сестры, пока впереди, в глубине бесконечных ходов, не блеснул крохотный алый огонёк.

— Иштар! Иштар!

Огонёк стремительно рос. Феса подбежала к ней, и мягкие пальцы обхватили щёки Иштар.

— Она умерла… Умерла! — прорыдала она, повиснув на шее Фесы.

— Уходим, — сестра крепко прижала её к себе. — Скоро здесь будут сиргларцы.

— Там мама, — зашмыгала носом Иштар, пытаясь оглянуться. — Как мы её оставим?..

— Она навсегда ею останется, — глаза Фесы влажно заблестели. — А мы с тобой будем жить долго.

Глава 6. Хорос спускае

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.